

Елена
КОТОВА

**КОДЕКС
БЕСЧЕСТИЯ**

Неженский роман

Елена Викторовна Котова
Кодекс бесчестия. Неженский роман

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14648015
Кодекс бесчестия. Неженский роман / Котова Е.В.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7863-9

Аннотация

Новый роман Елены Котовой – очередное открытие закрытого мира. На этот раз мира российских финансовых магнатов, банкиров, промышленников, рейдеров. Это рассказ об их изощренных финансовых комбинациях, взлетах и падениях банков и корпораций, невыдуманные истории партнерства и предательства, любви и смерти. Герои романа действуют по своим понятиям и живут по собственному кодексу чести. Острый сюжет бизнес-триллера держит читателя в напряжении до самой последней страницы, но, закрыв книгу, понимаешь, что это полотно нравов современной эпохи с вечным поиском ответов на вечные вопросы.

Содержание

Глава 1. Самолет на взлетной полосе	4
Глава 2. Пассивы и активы	10
Глава 3. Первая лига	19
Глава 4. Примадонна	27
Глава 5. Будни	30
Глава 6. Сон и явь	35
Глава 7. Как по заказу	38
Глава 8. Мелкие	40
Глава 9. И не мелкие	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Котова

Кодекс бесчестия. Неженский роман

Глава 1. Самолет на взлетной полосе

В машине было жарко, шарф натирал взмокшую шею, рубашка прилипла к спине. Настроение поганое. Лидкино ночное, притворное – «ой, я посплю, так устала сегодня...». Посапывает себе, а он без сна ворочается, хоть телку на стороне заводи. С утра пораньше – Мурманск, отгрузку там завернули, опять на неустойку налетит. И обед с Зайцем, и час по пробкам... Заяц этот хитрожопый – перетереть ему, мол, надо. Приедет с очередным дебильным проектом, будет втягивать – многословно, путано, не договаривая половину. Чернявин рывкнул на водителя: жарит, козел, обогрев в салоне, а шеф плавится. Вязкий пот сползал между лопаток. Он расстегнул пальто влажными пальцами. Шарф снять не догадался.

Послать бы Зайца, да ведь сам же целый месяц только и прикидывал, как к нему подъехать. Тут зверушка сам нарисовался со своим обедом. Беда, еще не грянувшая, но неотвратимая, жгла Чернявина до горячей испарины. Где крышу взять? Кроме как кинуться к всемогущему Александрову, ничего не вырисовывалось, а на этого самого Александрова вывести мог только Заяц. Тот при каждом удобном случае хвастал вхожестью к Константину Алексеевичу, точнее, к «Косте», с которым они, по словам Зайца, чуть ли не тусовались. Но чтоб Заяц для кого-то палец о палец ударил? Значит, самому что-то засвербело. От мысли, что придется втягиваться в мутные заячьи проблемы, настроение у Чернявина испортилось еще больше. Допустим, убедит он Зайца свести его с Александровым, а того-то – как заинтересовать? Это ж самому надо продумать, ведь у Зайца собственный расчет – вперед всего. Состояние было, как с похмелья. От страха и ощущения неотвратимой беды подташнивало, крутило живот.

...Это было почти пять лет назад. Тогда Чернявин жил в Москве. Теперь он обитал в городе Лидсе, в Западном Йоркшире. Хороший город, хоть и дыра дырой, зато исторический, вон зубцы башен даже из окошка виднеются, над ними небо... Тишина... Мысли в голове не мечутся испуганно, а мерно и неспешно мотаются с утра до вечера. Времени навалом, вот и перебирает, прокручивает он все повороты тех московских лет.

Из-за какой мути в тот день он чувствовал себя несчастным – Лида не дала, отгрузку завернули, Заяц нудеть будет... Это он страх от себя гнал, который под ребрами стоял, в горле пульсировал и распирал голову, аж уши закладывало.

Страх лишиться всего – своего кровного комбината в поселке Листвянка. Пять лет он его приватизировал... Выкуп рабочих, обхаживания губера, выкуп госдоли... Зачеты, переуступка векселей, раздел компании, снова обхаживание губера, выкуп земли. Передача долей губера и еще одного хрена с горы, которого губер подсунил, в управление своим оффшорам через российские дочки, потом сброс дочек, скандал с губернатором...

«Отберет, все отберет. Еще помедлю чуть-чуть – отберет! – одна мысль стучала в мозг в тот день. – Лишить всего хочет... Сопляк, паршивец. Сделал состояние во времена беспредела, теперь впридачу к остальному еще и лес хапануть намылился. С целлюлозы, гад, заходит, с чего же еще. И Листвянский – самая легкая добыча у него в раскладе. Найдет, как отобрать, одна экология – и готово дело... И времени нет. Нет времени ни на что...»

Его «лэндкрузер» повернул наконец в переулок к ресторану.

– Как жизнь? По устрицам вдарим? – спросил Заяц, едва войдя в зал, и тут же цыкнул на официанта: – Валер, отвянь с меню. Бегом бутылку «шабли» и устриц. Вернешься, скажем, что дальше. Дюжину осилим, Юрочка?

Чернявин не ответил. Он прислушивался к своему страху, который подступал к горлу, и разглядывал Зайца, его раздавленную шею, чуть оттопыренные уши и блеклые серо-голубые глаза на румянном лице, покрытом странными красными прожилками.

– У тебя чё, аллергия?

– Ага! Глютен надо перестать жрать. Но это же наше все, глютен-то! Это ж и хлеб, и круассаны, и паста... Все, одним словом. А чё, я плохо выгляжу?

– Да нет, не хуже, чем обычно, – с неприязнью бросил Чернявин, отметив, что этот хитрожопый заяц к тому же появился в ресторан, как какой-то хипстер, – в вязаной кофте на трех пуговицах и в фирменных джинсах.

– Чё пялишься? Завидуешь свободному человеку? Джинсы, кстати, без лейблов, как подобает уважающему себя человеку. А ты, как лох, все в галстуках Brioni... Так будешь устрицы?

– Не... я лучше супчику, а потом этих... Гадов на гриле, вперемежку.

– На гриле так на гриле, – Заяц откинулся на стуле, разглядывая, как официант открывает «шабли», разливает вино по бокалам, вкручивает бутылку в лед. – На гриле, так на гриле... Ты чё хмурый?

– Да нет, ничего особенного...

– А не особенного? Ну, давай по первой прокинем, – Заяц поднял бокал, подцепив на вилку устрицу. – Тема есть!

– Когда ты без темы встречался.

Чернявину было противно смотреть на Зайца. В особенности на шматок пластыря на шее. Чё там у него, чирей вскочил? От мысли о чирье на красноватой заячьей шее Чернявина замутило еще сильнее.

– Без темы встречаться – время тратить. Подумал я, не купить ли тебе, Юрочка, мой картонный завод?

– На фиг он мне? Сдурел, что ли? Ты, чё, в кэш надумал выйти и отвалить?

– В какой кэш? Нам с тобой в кэш рано, мы еще столько не наработали. Ты чё хмурый такой? Картонный, это я так, для затравки, уж больно хорош картонный. Тема в другом. Надо нам с тобой Самбальский комбинат забирать, причем срочно. И сделать холдинг. Твоя Листвянка, Самбальский и мой картонный. Тема? Ты же знаешь, что у меня в Самбальском давно двадцать пять. А тут госдолгу на аукцион выбрасывают, еще столько же...

От вида устриц, которые Заяц отколупывал от раковин и с хлопаньем всасывал с вилочки в рот, Чернявина мутило еще больше, чем от заячьего чирья. Он машинально складывал в рот мини-кальмаров с растопыренными усиками, сглатывал с трудом, запивая «шабли». А Заяц тараторил безостановочно.

– ...Последний непроданный шматок Родины, считай! Я вношу картонный и свои двадцать пять процентов акций, ты – Листвянку и те двадцать пять, которые на аукционе купишь. Организация – на мне. Прикинь, тема? Роскошь!

– За деньги, что ль, покупать? – почти с ненавистью к Зайцу, пожиравшему устрицы, спросил Чернявин.

– За деньги и дурак может, – Заяц отставил опустевшее блюдо, откинулся на стуле и вытер рот салфеткой. Подумал, отпил вина и закурил. – Не то чтоб совсем без денег, но задаром. Красиво сказал?

– Дим, не гони...

– А ты сопли не жуй. С торгами ажур, подсуетился уже. Задаром, говорю тебе. Весь бюджет лямов семь, включая ребят из Фонда и накладные. Ты чё, семь единичек не найдешь?

– А ты чё не найдешь?

– За свои, что ли? Надо ж так это провернуть, чтобы одновременно все в холдинг сгрузить. В этой комбинации доля нам бесплатно достается, да еще холдинг деньгами накачаем.

Чужими, понятное дело. Холдинг должен быть, как принято теперь выражаться, инвестиционно привлекательным. Не картонная моя халупа и не твой Листвянский, а холдинг с большой буквы, понял? Самбальский комбинат-то очень даже стоящий. Его почистить надо – и доить еще с десятков лет можно. Целиком он на полтинник, а то и на шестьдесят тянет. Сечешь?

– Откуда он у тебя целиком возьмется? – Чернявина все больше раздражал этот разговор.

– От верблюда! Мои акции плюс те, что с торгов, – это пятьдесят одна ровно, контрольный пакет! Считай, все сто. А на покупку тебе всего пятнашку надо.

– Только что семь было, ты не охренел ли?

– Это ты берешь на покупку пятнадцать! Кто сказал, что ты все их потратить должен? Заплатишь семь-восемь, как я и сказал. Остальные – нам с тобой пополам. А всего ты берешь кредит не на пятнадцать, а на сорок, сечешь? Пятнашка, мол, на торги, а остальные – в холдинг.

– В какой холдинг...

– Не перебивай... Самбальский целиком, считай, плюс Листвянка, плюс картонный, итого три достойных предприятия. Но холдингу надо расширяться. На картонном – новый цех, на Самбальском – еще одна очередь. Ну и чтоб доли сошлись в холдинге. Смешиваем в кучу вместе с кредитом, получаем холдинг в сто пятьдесят лимонов. Даже в сто шестьдесят, если с умом посчитать.

– Вот именно, все в кучу. Откуда сто шестьдесят?

Чернявин уткнулся в тарелку с супом, чтобы не заорать на Зайца или просто не дать ему по морде. Или по шее с этим чиреем. Заяц он и есть заяц. Козел... Какие сто шестьдесят, почему делить на четыре?

– Сорок миллионов кредита – это четверть холдинга, если в акции вложить. Чё тут не понять? Вот четверть за него и отдадим, не с деньгами же расставаться. Пяток процентов директору Самбальского оставим, остальное – наше. По тридцать пять на нос! – Заяц захлебывался собственной идеей.

– И куда ты собрался меня за кредитом отправить?

Этот вопрос так и вертелся на языке. Более того, Чернявин уже знал ответ. Только потому и сидел за столом напротив Зайца с его чиреем и слушал заячий словесный понос. Сейчас он весь сжался, ожидая ответа.

– На кудыкину гору. У кого баблос? В госбанки у меня дороги нема. Значит, один Русмежбанк. Добрый мой знакомец, Костя Александров. Мне у него на Самбальский десять-пятнадцать просить – даже на прием неприлично с такой мелочью проситься. Под Листвянку просить можно сорок, но просить – опять неправильно. А долю в холдинге ему дать – это взрослому. Дескать, пришли предложить вам актив с доходностью сумасшедшей. Холдинг крупнокалиберный, как пулемет. Опять, епть, красиво сказал, согласись. Вы, Константин Алексеевич, будете у нас самым главным. Председатель совета директоров, гарант наших безоблачных отношений. Ну, и... сам понимаешь... крыша.

«Вот именно... и крыша. Да еще какая...» – холодный страх, перебирая щупальцами по пищеводу, пополз вниз и ухнул вниз так стремительно, что Чернявина охватил озноб. А только что было жарко...

Он не слышал слов Зайца, только прислушивался, как стихает, растворяясь в кишечнике, страх.

– ...А с Mediobanca, с итальянцами, – это вообще ход конем. Уважауха.

– Что с итальянцами? – переспросил Чернявин.

– Александров в свой Русмежбанк итальянский банк затаскивает. Mediobanca, очень крутой. Прикинь, в русский банк младшим партнером, всего на двадцать пять процен-

тов ведущий итальянский банк затащить! Он, думаю, сначала этой... Медиабанке... полбанки...

Заяц чуть не подавился собственной шуткой, запил ее «шабли», откашлялся и снова рассмеялся:

– Ну как сказал! Тебе, Юрочка, за мной записывать надо. Полбанки Медиабанке! Класс! Александров итальянцам четверть своего банка, думаю, за полтора-два ярда запарит, не меньше.

– Это ж сколько у него бабла-то прибавится! – невольно произнес Чернявин.

– Вот именно! А главное – после этого ему бабло само в руки поплывет, и никто ему уже не указ. Захочет, через пару-тройку лет с итальянцами банк на размещение в Лондоне выведет. Выпустит новых акций процентов на двадцать и продаст. Еще три ярда. И так далее. Все выше, и выше, и выше!.. Во, масштаб!

Тут только Чернявин заметил, что посадил пятно на галстук. Чёрт, выбросить придется... Новый галстук, Bgioni, епть... Александров, чё, сдурел, с итальяшками шашни водить?

– Ему чё, своего баблоса мало? За итальянцев Кремль ему так по рогам дать может.

– Вот ты забздел сразу, Юрочка, а надо не бздеть, а шустро везде бегать, как Александров. Он-то бегают шустрее остальных. Всех уже подмазал, и Старую, и Белый дом – всех. Итальянцы ж для него – тоже крыша, прикинь! Прикинь калибр крыши? Кто ж ему без беготни позволит такую завести? А так... под этим... под богом то бишь, мы все ходим. Но, имей в виду, он мне по секрету, как другу, я обещал дальше – ни-ни... Дижестив будешь?

Чернявин сидел и прикидывал...

– Дижестив? Давай. А он, думаешь, с итальянцами... реально провернет?

Заяц снова откинулся на стуле, закурил новую сигарету.

– Ты сомневаешься? Он же почти два года с этим проектом носит.

– А если его самого того, – все прикидывал Чернявин, – за итальянцев?

– Он уже везде проложился. Уже, грит, на финишной прямой. Во, сколько баблоса тогда у него будет, мама дорогая!

– И думаешь, его твой холдинг может заинтересовать?

– Не сомневайся, Юрочка, сейчас самый подходящий момент! У него уже в глазах нули итальянских бабок стоят. Ему сейчас в наш холдинг вложиться – даже не заметит! Тем более, когда у нас с ним такие отношения. Он мне на слово верит!

– Думаешь, захочет? – все прикидывал Чернявин.

– А куда ему итальянские бабки размещать? Помяни мое слово, он нас попросит ему еще один холдинг придумать. Вот чем нам с тобой мозги напрягать придется. Ох, какая картина, а? У Александрова в младших партнерах эта Mediobanca сидеть будет, и мы с тобой, которые первыми подсуетились, – лепший кореш Заяц и уважаемый промышленник-патриот Чернявин Юрий Сергеевич! Хороша картина?! То-то! А вот и дижестив. Ну, по последней – и к девочкам.

– Тебе чё, девочки сегодня ставят?

– Девочки мне не ставят, у меня и так стоит... Ладно, погнали. Эх, я тебе такую тему принес, а ты, бя...

– Тема нормальная, спасибо...

– Не фиг себе, нормальная! Супер тема! Считай, у тебя уже самолет на взлетной полосе. И насчет крыши ты уже все прикинул. Боишься?

– Кого?

– Скляра, кого еще? Он же в лес мылится, на всю отрасль губы раскатал. Но против Александрова он не поперет.

– А думаешь, Александрову наш с тобой холдинг нужен? Сам говоришь, для него это мелко.

– Опять двадцать пять! С нами он король, мы ж маленькие и безопасные. А Скляр – рейдер. Сунется к нему, еще неизвестно, как пойдет.

– Все, значит, рассчитал, Заяц?

– Заяц всегда все считает. Ну, уходя, уходи. Официант? Посчитай нас по-быстрому.

– Обед на тебе?

– Ты гадов тут нажрал, ой, мама... Дороже моих устриц.

– Ладно, Заяц, не жадись. Я, считай, тебе только что свой комбинат отдал...

– Ты не баба, чтоб мне давать. Ты только что от Зайца крышу получил, и еще сорок лимонов тебе дадут только потому, что ты – друг Зайца.

Чернявин сел в машину, велел водителю гнать в офис. Раньше пяти по этим пробкам ему до офиса не доскакать, чёрт. А дел, действительно, не продохнуть. Пока он с Зайцем сидел, мобильник разрывался... Наверняка без него в офисе никто палец о палец не стукнул. Он набрал офис.

– Юрий Сергеевич, Привалко вас помогается, соединять?

Привалко был замом по технологии на Листвянском целлюлозно-бумажном комбинате. Он втянул Чернявина в нудный разговор: в отбелочном блоке засбоила автоматика, можно ли новые химикаты купить... Чернявин слушал вполуха, очнулся только при слове «ртуть».

– Чё про ртуть, не понял?

– Говорю, со ртутью знатно вышло, прям в реку слили. Никаких расходов.

– А где слили?

– Где? – Привалко не ожидал такого вопроса. – Не знаю точно... Километров на десять вниз по реке, отъехали и слили. А что?

– Мать вашу! – завопил Чернявин. – Чё, облезло бы на шестьдесят отъехать?

– А какая разница?

Чернявина снова замутило. Уже от злобы на тупость Привалко.

– Какая разница, бля? Тогда б на Жмужкина подумали!

Один из двух комбинатов Бориса Жмужкина, самого, пожалуй, крупного целлюлозника, стоял ниже Листвянки как раз на шестьдесят километров.

– Да кто мерить-то будет, Юрий Сергеевич? В первый раз, что ли?

– И я не первый раз тебе говорю: гадишь, так следов не оставляй. Твоим мудилам на все начхать.

– Я думал, похвалите за безотходное производство, – хихикнул Привалко.

– Ты думать еще в детстве разучился! – рявкнул Чернявин.

– Когда вы приедете? – сменил тон Привалко. – Без вас трудно...

– Чё трудно? Зарплату получать? Приеду... На этой неделе не ждите, крутитесь сами...

Чернявин Юрий Сергеевич и Заяц Дмитрий Андреевич познакомились в Институте управления. Чернявину было тридцать два, в институт он пришел после техникума, который окончил в своем Стерлитамаке, после армии и еще двух лет сверхсрочной. У него уже и на Листвянском какая-никакая доля была, и пара лесопильных заводов. Но куда без корочек в наше время? А Заяц был совсем пацан зеленый, зато с двумя языками, с папашиными связями. Чернявин после института, который он за два года осилил – не без денег, конечно, – вернулся к себе на Листвянку, стал к губернатору с приватизацией госдоли подъезжать, а Заяц все крутился в крупной торговой фирме, еще от совка оставшейся. Делал на торговле древесиной с немцами приличные деньги, а потом встретил своего нынешнего напарника Вована – вот кто пройда, клейма ставить негде, – и склепал с ним на пару картонный завод. Надо сказать, первосортный. Что Заяц в шоколаде, Чернявину стало ясно, когда их пути вновь сошлись: небеленую целлюлозу для своего картона Заяц с Вованом у него стали покупать.

Холдинг – дело солидное, если, конечно, Александров в него пойдет. Еще важнее – дорожка к Александрову. Мужик он справедливый и широкий, все знают. Если кого под крыло возьмет, то не кинет... «Считай, у тебя уже самолет на взлетной...» – вертелись в голове слова Зайца, и даже страх, казалось, отпустил. Но муторная тревога крутила и крутила до тошноты.

Теперь, в городе Лидсе, в Западном Йоркшире, та тошнота ощущалась разве что во сне. Когда всплывала – тоже во сне – одна картинка. Картинка была не из яви, а тоже из сна, давнего, который привиделся в поезде по дороге из Вены в Рим, после ужина с армейским братаном Карло. Тот спросил тогда – что друг-Чернявин со вторым собрался делать, может, помощь нужна?

– Я многое могу, если помощь нужна моему брату. Что хочешь? В бетон закатать или на салями порубать на лесопилке, – Карло заржал.

Вот в ту ночь, в поезде, Чернявину и приснился сон, который повторялся теперь в Лидсе. В том сне крестные отцы на его глазах закатывали в бетон то Склера, то Александрова. Каким-то немыслимым образом те выбирались из бетонной жижи, их заливали снова, они опять выбирались, их снова закатывали...

Глава 2. Пассивы и активы

Константин Алексеевич Александров, председатель правления и владелец контрольного пакета крупнейшего частного банка страны – Русского международного – не чувствовал тревоги. Он сжился с ней уже давно – настолько, что перестал ощущать. Играл он всегда по-крупному, с тех самых пор как из первой загранки вернулся, и с каждым годом заходил на все более и более крутые виражи, только повышая ставки. Только так и можно. При крупных ставках и попутчиков набрать легче, раз Александров так прет – значит, знает, что делает. А помощь он помнит, людей ценит не только, когда они ему нужны – просто по жизни. Сейчас он разыгрывал самую крупную ставку – сделку с Mediobanca. Он знал, что и в этот раз все получится.

Но настроение уже вторую неделю было скверное. Конечно, не из-за банка, не из-за того, что его проект с Mediobanca выходил на финишную прямую. Даже не из-за того, что путь по этой прямой был отнюдь не прямым, а извилистым, и пройти его надо было стремительным рывком – за пару-тройку месяцев прокрутить массу сложных вопросов. Все было уже подготовлено. Дело было не в этом. Скверное настроение трепало исключительно из-за жены Катюни, на которую накатила приступ хандры. Не в первый раз и точно не в последний, но в этот раз – особенно затяжной.

– Положила, положила я тебе рубашки на смену! Галстуки тоже положила, не кричи, – так начиналось каждое утро. – Это все, что ты хочешь сказать? С утра – «где рубашки и галстуки», по вечерам – «как я устал». Это все, что я слышу! Весь день одна, до тебя не дозвониться, сына не видела уже три месяца только из-за тебя. Что за жизнь? Кому я нужна?

– Катюнь, у тебя опять настроение плохое? Ты как себя чувствуешь? – спрашивал он, зная, что услышит в ответ.

– Тебя это еще интересует?

– Катюня, не заводись. Мне пора.

– Сережу в Лондоне надо проведать, я соскучилась. И вообще, я люблю Лондон, нашу квартиру! Зачем ты тащишь меня в свой Милан, не хочу-у-у!

– Не хочешь, оставайся, я всего на два дня.

– Тебе все равно – лететь одному или со мной? Наплевать, да? – на глаза у жены стали наворачиваться злые слезы.

– Нет, не наплевать. Вместе лучше.

– Я же знаю, что это будет за поездка! Ты опять опоздаешь... Я буду сидеть в аэропорту... Ждать, нервничать и слушать твоего Славика. Морду его уже видеть не могу. Как будто я живу со Славиком, а не с тобой! Сколько раз ты обещал его сменить? Неужели трудно взять охранника, который меня бы не раздражал?

– Катюня, смену Славика. Руки не доходят. Все, малыш, я поехал. В пять тридцать встречаемся во «Внуково-три», я очень буду стараться не опоздать. Максимум в шесть.

Александров сбежал с крыльца, плюхнулся в свою удлиненную бронированную семерку BMW. На заказ пришлось делать, не признавал он шестисотых. Охранник захлопнул дверь, сел впереди, машина выехала за ворота.

Константин Алексеевич Александров родился не где-нибудь, а на острове Цейлон, в городе Коломбо. Там же годом раньше родился и Николай Николаевич Трофимов, лучший его друг и первый заместитель в банке. Их отцы работали тогда вместе, Александров-старший – послом, отец Трофимова – резидентом внешней разведки. Сыновья росли бок о бок. Александров закончил экономфак МГУ, Коля Трофимов – юрфак МГИМО, обоих в институте пригрела Контора – отцы постарались. И с Катюней, дочерью своего сослуживца, познакомил Александрова отец Коли Трофимова.

«Даже самые лучшие жены дуреют от безделья. Мало ей собственного издательства, членства в худсовете двух театров, которые банк спонсирует? Что с ней творится?» Александров открыл папку, которую охранник привез с утра пораньше из банка, принялся просматривать документы.

Катюня окончила истфак, но в университете они с Константином почему-то не пересекались, хотя Катюня была всего-то старше его на два года. Она поразила Александрова интеллигентностью, породой и загадочным спокойствием. Тогда, правда, он этого так ясно не понимал. Просто поразила – и все. Влюбился прямо на том дне рождения Колиного отца, который они гуляли в самом изысканном в те годы ресторане «Прага». Ради Катюни он расстался с Лидой...

Александров поднял глаза от бумаг. В лесу, по обе стороны дороги, снег таял, превращаясь в сморщенные грязно-белые нашлепки, усеянные прошлогодними сосновыми иголками. Дорога была еще мокрой, но асфальт уже по-весеннему светлел. Чувствовалось, что день будет солнечный, теплый. Он бросил взгляд на пальто, которое не пригодится уже до следующей зимы. На хрен ему вообще пальто? Дача, крыльцо, машина, подземный гараж, лифт, кабинет, машина, чужой подземный гараж, чужой кабинет, машина, крыльцо Белого дома или Администрации, снова чужой кабинет, снова машина, аэропорт, частный самолет и снова машина. ОТЕЛЬ, машина, переговорная, машина, кабинет, машина, ресторан. Так и текла жизнь.

Лида... Константин нечасто вспоминал о ней, разве что в такие предвесенние дни, когда в подреберье или еще где-то там в предчувствии весны появляется та самая, особая истома... Лида училась в инязе на втором курсе, когда они познакомились. Два года они не расставались – нет, почти три. И не собирались расставаться, просто он встретил Катюню.

Почему он вспомнил сегодня Лиду? Попытался представить, как она капризничает из-за поездки в Милан на частном самолете, и не смог. Поэтому? Лида, правда, тут же выскочила замуж, едва они расстались... За кого? Кто-то говорил, не вспомнить уже. Жалел ли он когда-нибудь, что они расстались? Нет. Не потому, что Лида была... А черт ее знает, какая она была. Хорошая, да, конечно. Но он встретил Катюню и никогда не жалел.

Александров знал, что нравится женщинам, правда, не понимал, почему. Да, у него есть класс. Деньги тоже есть. Деньги, кстати, мужчину очень украшают. А так – ничего особенного. Рост средний, в плечах чуть широковат, приземист. Но есть шарм, есть сила, есть напор. Это он знал. От этого женщины и тащатся. Это он тоже знал. А он любит Катюню, такую, как есть. Это не всегда легко. Но не всем же так везет, как Трофимову. Его Анька – красавица, однако покладиста. Нрава веселого и ровного, жизнью, похоже, вполне довольна. А Катюня свое загадочное спокойствие, когда-то так поразившее Александрова, с годами заменяла на требовательность и суетную раздражительность. Все от праздности. Это только кажется, что праздность и большие деньги – одно сплошное счастье. Испытание это, причем нешуточное. А может, с Александровым сложнее, чем с Колей? Катюня права в одном, по крайней мере, – у Коли на редкость большое сердце.

Коля – человек! Мало того, что действительно – без натяжек – красавец. Он умнейший мужик и настоящий друг. Большой молодец, что и говорить, всех окучил. Да практически всех, кто мог бы помочь их сделке с Mediobanca. Или помешать.

В Белом доме дело идет непросто, руку с пульса ни на день не спустишь. Облёвыш, министр обороны, гнал волну по поводу итальянцев. Дескать, счета оборонных предприятий надо в другие банки переводить, если в Русмежбанке иностранцы появятся. Понятно, в каком банке он харчится, куда ему неймется их перевести. Коля облёвыша пока гасит... И областные бюджеты, которые в свое время опять-таки окучил Коля, все это завидное хозяйство охранять надо постоянно.

И Коля, и сам Александров под любым предлогом, а то и так, с праздником поздравить, билетки на премьеру лично завезти – дескать, мимо проезжал, – постоянно мотались и в Белый дом, и на Старую площадь. В Администрации их позиции были прочными, там был Голицын, Колин старый друг. Но это постоянное поджигание вопроса Минобороной... Ни на секунду не расслабишься.

Александров снова глянул в окно, машина уже неслась по левой полосе Кутузовского. Он набрал приемную.

– Наташ, подъезжаю. Что вы мне с Иркой в график на сегодня понатыкали? Улетаю сегодня, можно день хоть как-то разгрузить?! Все ж впритык, к бабке не ходи, слетит график. Выкидывай половину. Вот на фиг мне аудиторы? Не буду с ними встречаться, к Самохину отправляй.

– Он должил, что он с аудиторами закончил. Говорит, что проект заключения вы должны сами теперь посмотреть.

– Я должен в аэропорту в шесть быть, а больше я ничего никому не должен. Пусть сам с аудиторами возится. Так, Возненко оставляй, Бармалея снимай, конференц-колл тоже снимай. Красовскую? Пусть ждет, если успею, приму, но не факт. А Заяц что хочет? С кем он приходит? Кто такой Чернявин?

– Не знаю, Константин Алексеевич. Вы сказали Заяца в график ставить, но я предупредила, что под большим вопросом, понятно же. Может, вас с ним сейчас соединить, пока едете?

Заяц, конечно, не был ни корешем, ни близким знакомцем Александрова – так, пересекаются там и сям. Ясно, что Заяц – балабол, пыжится влезть в приятели ко всем сильным мира сего, но из закровов он и информацию на хвосте приносил небесполезную, и проекты нередко подтаскивал перспективные. И еще Александрову было по сердцу нескрываемое заячье нахальство. Его в дверь – он в окно. Плюнь в глаза – он утрется и дальше прет с улыбочками и прибаутками!

– Дима! – закричал Александров в телефон через минуту. – На что в этот раз будешь денег канючить? А крендель, которого ты тащишь, кто такой? Какой холдинг? Мне нужны инвестиционные активы? Хотя ты обо мне позаботился.

Александров еще раз глянул в график. Хотя... Всех бармалеев приемная снимет, аудиторов тоже. Красовскую с ее вечными проблемами и на следующей неделе можно выслушать. А Заяц – забавный мужик, веселый, чёрт возьми. Интересно, что он такое нарыл, что аж словами захлебывается?

– Ладно, приходи. Только полчаса, не больше. И говори поменьше. Какой «поужинать», у меня самолет в пять... Куда? В Урюпинск, Дим, как обычно...

Чернявин приехал к зданию Русмежбанка задолго до назначенного времени. Велел водителю свернуть в переулок, вышел, и чтобы не отсвечивать, зашел в «Кофеманию» напротив банка. Он уже неделю не находил себе места. И сегодня утром сидел за завтраком – уже в рубашке с галстуком, но еще в трусах и тапках – и думал. А тут Заяц звонит и орет радостно в трубку, что его только что сам Александров набрал и будет рад видеть их сегодня в три тридцать. Чернявин оттолкнул тарелку с сырниками и бросился в спальню за брюками. Долго стоял перед зеркалом, разглядывая себя в полупрофиль. Нормально... Почти квадратный подбородок и лоб, прикрытый короткой, нависающей над бровями прямой челкой. Мужественный вид, вполне. Заправил рубашку в трусы, чтобы не оттопыривалась, натянул брюки, едва попадая в штанины ног. Снова уставился в зеркало, пытаясь увидеть в нем, что именно прочтет в его глазах Александров. Нет, страха в них видно не было. Угрюмость – да, но не страх. Ну так он же не пацан, как Заяц, чтоб лыбиться. У него солидный бизнес, риски ежедневные. Кто из производителей в этой стране улыбки рассыпает? Никто. Одни бумажные черви, снующие по коридорам, и жулики-банкиры, мордой торгующие. Так,

насчет жуликов-банкиров мысль не ко времени сегодня. Если все сложится, в первую лигу можно войти. Только держаться уверенно.

Чернявин снова встал в полупрофиль, выпрямил спину, слегка отставив ногу в сторону. Из зеркала на него смотрел типичный российский промышленник образца две тысячи одиннадцатого года. Неулыбчивый, озабоченный ответственностью, крепко ведущий дело, умеющий отвечать за базар. К тому же воцерковленный. С удовлетворением он натянул наконец пиджак.

– Чай какой есть?

Чернявину надо было отослать вертлявую официантку, чтоб не крутилась поблизости. Он смотрел на свой i-Phone и ждал, когда проявится Заяц. О такой крыше, как Александров, конечно, можно только мечтать, но план Зайца – все равно говно. Почему он должен отдавать свое кровное в холдинг, где рулить будут все, кому не лень?

Зачем Александрову его комбинат? При его-то размахе – неужели он просто, по-нормальному не поймет: Чернявин к нему за защитой пришел и всю жизнь на него молиться станет, если что? А комбинат отдавать в колхоз? Даже не за деньги, а просто за крышу... Первая лига, мля... а он что, червяк земляной? Он к Александрову не с пустыми руками приходит. Не с пустыми... Как ни крути, иного плана, чем заячий, не просматривается.

Александров пулей вылетел из кабинета, уже в лифте забыв разговор с Зайцем, и этим... вторым... Странный мужик. Как же его зовут? Ну да, Чернявин Юрий Сергеевич. Склероз, что ли? При чем тут склероз, просто этот разговор уже в прошлом. Сейчас главное – узнать, как Коля договорился на Старой площади, и не опоздать в аэропорт, иначе все три дня в Милане вместо переговоров будут семейные разборки. Он велел охраннику набрать Колю и Катюню – до кого дозвонится первым, – но тут на его iPhone высветился другой звонок. Александров глянул на часы: отлично, в аэропорт успевает. Может, даже раньше Катки там появится. Если и Коля вовремя подрулит, то сразу все и обсудят. Чтоб в самолете целых три часа баб можно было ублажать.

– Сегодня никак, Платон. В аэропорт еду... Куда я к тебе заверну? У меня жена в аэропорту сидит. Что ты волну вдруг погнал?

Это он кричал в телефон не Коле и не Катюне. Пока охранник их набирал, ему позвонил Платон Скляр. Металлургический и два машиностроительных комбината, страховая компания, банк – невзрачный, правда, – и еще огромное количество другого неслышанного добра. Империя Скляра была огромна, а он все прикупал активы. Всеядно, без разбору, чего Александров, положив руку на сердце, до конца не понимал. Ладно еще в нулевых, когда деньги, казалось, не кончатся никогда, когда они возникали только что не из воздуха. Когда можно было собрать в одни руки с пяток заводиков в Подмоскovie – где в цехах уже шустро клепали компьютеры по китайским схемам, а по дворам еще сновали бродячие собаки, – нарядно и нехлопотно упаковать их в презентации в виде высокотехнологичного концерна и легко собрать на лондонской бирже под миллиард. Но лафа кончилась, все стали считать деньги. Одному Скляру было хоть бы хны. Он все скупал, сливал, отбирал, влезал в новые отрасли, казалось бы, даже отдаленно не связанные с его основными активами. Хотя, что в империи Скляра было основным бизнесом а что нет, разобрать было уже трудно. Платон порой раздражал Александрова – своим напором и всеядностью, но чаще восхищал... Скляр всегда был в ровном настроении, привычно насмешлив, легко мог очаровать любого, а жесткость его хватки, циничное отношение к миру, которое он не скрывал, Александрова просто изумляли.

Когда Скляру было что-то надо, он плевал на обстоятельства и долбил, долбил, как долбил сейчас Александрова по телефону. BMW встал на светофоре, ожидая стрелку на поворот от Белого дома на набережную, в километре от офиса Скляра. Его звонок именно в этот

самый момент Александрова ничуть не удивил. Скляр всегда чувствовал, когда что-то нужное ему оказывалось поблизости.

– Платон, да, я неподалеку, но не могу заехать, не прессуй. В аэропорт опаздываю, вернусь в субботу. Нет, в Милан... Почему в субботу? Чтобы в воскресенье хоть раз в жизни выспаться. Я бы и на субботу не оставался, но Катюню надо выгулять.

А Скляр не понимал, почему по дороге в аэропорт нельзя завернуть к нему, если это важно. Ну постоит самолет Александрова с час на поле, тоже мне причина. Волны он никакой не гнал, а позвонил Александрову именно тогда, когда пришло время. То есть когда решение Александрова понадобилось Скляру, чтобы двинуть вперед крупнейший проект, который он выстраивал уже больше года.

До полудня он висел на трубке с Питером, вытягивая из Бори Жмужкина окончательное «да». Слушал, как тот ныл, вилял, предлагал какие-то дикие, совершенно не проханже варианты, снова ныл. Ближе к обеду Жмужкин дал согласие – видимо, проголодался. Теперь настал черед подвязать Александрова, и Платон не сомневался в его согласии. У Кости был свой мега-проект – с итальянцами, а у него – свой. А проект Скляра, кстати, Косте на руку. Итальянские деньги Косте надо с ходу размещать. Скляр не сомневался, что сможет его убедить. Поэтому зачем откладывать?

Они не были друзьями. У Скляра вообще не было друзей – непозволительная роскошь. Имелся круг близких людей, с кем приятно и надежно делать дела. Александров в том числе. И по всему раскладу пришла пора его поддавить: тот будет занят всегда, а время – главный фактор. Ситуация – особа капризная, упустишь момент, и все может повернуться не туда. Ведь едет во Внуково, все ж рядом! Самолет, жены... Смешные резоны.

– ...В пятницу мы в оперу, в субботу девушки еще раз по шопингу, и – домой. До понедельника, давай... Нет, в понедельник все забито, и люди такие, что особо не подвинешь. Во вторник, нормально? Чёрт, во вторник я в Туле. Вот в среду после правления я весь твой.

– Константин, да что ты, ей-богу! Заверни сейчас, полчаса разговора, и все дела. Ты всегда будешь занят! Тем более что в среду меня в Москве не будет. Да по-хорошему, вопрос до среды не ждет.

– Платон, все, я уже не рядом, с третьего кольца к аэропорту сворачиваем.

– Значит, сам прилечу к тебе в Милан, я человек негордый. Допустим, завтра к вечеру.

– Завтра весь день переговоры.

– Значит, в пятницу.

Александров постучал в стекло, отделявшее его от водителя и охранника.

– Набери Трофимова, спроси, какой график в пятницу, – прикрыв трубку рукой, вполголоса сказал он, уже забыв, что только что главным для него было узнать, как Коля порешал вопросы по оборонке.

– К вечеру вы же точно освободитесь, – поддавливал Скляр.

– Ну, прилетай часам к пяти. Потолкуем, потом на ужин. Чёрт, у нас же опера. Значит, только до оперы. Мы в «Карлтон Бальоне».

– В «Бальоне», так в «Бальоне». А я у себя, на озере. Подъеду к вам в город, не вопрос.

– Всегда говорил «богатые люди – особенные люди». На озере... Нам надо в городе... Ты что, из аэропорта – к себе на озеро, а потом – в город? Или у тебя там вертолет?

– Костя, в полпятого я у тебя в отеле, как я туда приеду – мой вопрос. А может, я вас в пятницу заберу к себе на озеро до воскресенья? После оперы или вместо?

– Платон, хочешь – прилетай. В данный момент – ну никакого желания нет тащиться к тебе на озеро. А там – как пойдет.

В самолете Катюня с Аней Трофимовой потребовали сухого martini и принялись болтать. Мужья уселись за соседний стол.

– Не, Коль, виски не хочу... Мартини вот, с девушками за компанию. Оливки не кладите... Коль, что с оборонкой?

– Костя, работаю... Мы – банк для крупной промышленности. Не за счетами предприятий гонимся, а считаем своим приоритетом вкладывать деньги в укрепление обороноспособности и промышленного потенциала страны.

– Вот, смотри, – по привычке Александров снова начал считать на клочке бумажки. – Нам нужно, кровь из носу, к сделке с Mediobanca прирастить хотя бы...

– Кость, под сделку с Mediobanca я тебе из рукава пол-ярда не достану. Но что-то сопоставимое будет. Говорю, работаем... Есть еще время. А ты Склера напрямь не думал?

– Считаешь, своими ресурсами на Старой и в Белом доме не обойдемся?

– Эх, прикинь, как красиво будет, если с самого верха команда поступит, – Коля оторвался от бумажек. – Насчет оборонки и крупных госкомпаний!

– Через Португалова к «папе»? Думал... Кстати, Склера к нам в Милан подлетит, сам напросился. Погоди, дай мозгами пораскинуть.

– Luisa, – Коля обратился к проходившей мимо итальянской стюардессе. – per favore, langustini, antipasti, vino, обед, короче, девушки, – последние слова уже относились к женам. – Нет-нет, мне только виски, Костя, ты с барышнями вино? Дело твое, а я эту бутылку вискаря к Милану должен добить. Луиза, мы взлетим вообще когда-нибудь? Сколько можно на взлетной стоять...

Александров отхлебнул мартини, откинувшись на спинку кресла и прикрыл глаза. Ход с Португаловым – это было бы, конечно, мощно. Тем более, что Склера летит в Милан. Зачем – не важно, ясно что у него какой-то новый проект, что нужны их деньги. Главное – чтоб соразмерно запросил. За кивок с самого верха.

– Но переговоры, Коля, мы завтра строим из расчета, что банк по номинальной стоит пять ярдов и ни цента меньше, – ход мыслей Александрова тут же поменялся.

– Конечно. Проблемных долгов у нас всего под сотку, даже если со второй группой риска считать. Вообще, нам Тула платить когда-нибудь начнет?

– Во вторник еду к ним, буду разговаривать.

– Оборонка хуже всех, между прочим, кредиты возвращает. Ладно... даже если по гамбургскому счету, проблемных кредитов у нас, можно сказать, нет. Филиалы, загранпредставительства... Надо требовать цену с надбавкой в сорок процентов к капиталу. Mediobanca выкупает эмиссию в объеме двадцати пяти процентов, получаем банк почти в девять. Через пару лет...

– Да погоди ты, дай подумать.

Чтобы дотянуть пассивы до пяти миллиардов, надо набрать на клиентских счетах... – в голове Александрова защелкал счетчик. Банку нужен свежий капитал, поэтому итальянцы... Нужна высокая оценка, тоже понятно. А для этого нужен рост пассивов, то есть новые клиенты, новые счета, рост остатков на них. Нужен рычаг. В прямом и в переносном смысле этого слова. Нужна команда сверху. Мысль о том, чтобы через Португалова, тестя Склера, дотянуться до «папы», Коле не первому пришла в голову. Значит, все правильно, и Склера в Милан напросился вовремя. Звезды должны встать правильно, это его, александровские звезды, они по-другому встать просто не имеют права. А это значит, думал он, прикрыв глаза, что дело даже не в том, как через Склера подкатить к «папе». Это, считай, уже сделано, раз задумано. Но новые пассивы, а вслед за ними и деньги итальянцев надо во что-то размещать. Ясно, что огромная их часть пойдет на кредиты той же оборонке, но и Склера летит к ним в Милан неспроста, а с каким-то новым проектом, и Заяц не случайно именно сегодня нарисовался. При новом раскладе холдинг Зайца вполне придется ко двору... Александров даже рассмеялся. Молодец, Заяц, просто молодец! С шутками-прибаутками, но как быстро убедил!

– Привет уроженцам независимой, но очень убогой страны Сри Ланка, – Александров не без удовольствия вспомнил, как Заяц с обычным выражением безмерной радости на лице ввалился в его кабинет. – Как здоровье сриланков? Они меня беспокоят больше, чем Гондурас.

– Привет Дим, садитесь. – Александров пересел за круглый стол, протянул мужику, вошедшему вслед за Зайцем, визитку. Пустился с Зайцем в разговор о Германии, Заяц принялся хвастаться, что скупает потихоньку акции Deutschebank. Александров, незаметно скосив глаз, глянул на визитку того, второго. Чернявин Юрий Сергеевич, президент ЗАО «Листвянский целлюлозно-бумажный комбинат», член общественного совета... член общества ветеранов, председатель православного общества... Мужик сидел набычившись, было ясно, что ему неприятен разговор Александрова с Зайцем, его совершенно не касавшийся. Ему неприятно, что его считают тут посторонним.

Чернявину, действительно, было неприятно. Он разглядывал Александрова исподтишка. Молодой еще, сороковник или чуть больше, а лысеет уже. И лоб, как у Карла Маркса. От таких бабы тащатся. А чего тащатся – непонятно. Интеллигент грёбаный. И стукачок впридачу. На роже ясно написано: стукачок. Конторский пацан-то, иначе как бы он себе такой банк сколотил...

– Константин Алексеевич, – Чернявин очнулся от того, что Заяц вдруг начал обращаться к Александрову по имени-отчеству. – Если позволишь, мы расскажем, какой проект мы хотели бы предложить твоему банку. Мы, считай, купили Самбальский комбинат.

– Погоди, – перебил его Александров. – «Считай» или купили?

– Константин, мы с Юрой, – Заяц кивнул на Чернявина, – купи... покупаем в Самбальском пятьдесят процентов. Часть акций у меня давно была, а тут... госдоля подвернулась... Теперь на двоих пятьдесят с хвостиком. С главным акционером – с директором – вопрос решаем. Но это он вчера был главным, теперь контроль-то у нас с Юрой.

– Можешь поконкретнее?

– Куда еще конкретнее? С директором Самбальского почти все уже оговорили. Его небеленая целлюлоза идет сейчас плохо, я его главный покупатель, он мужик понятливый и сговорчивый. Мудрый. Старый потому что.

Чернявин слушал, как вдохновенно врет Заяц. Александров наконец взглянул и на него:

– А ваш комбинат, Юрий Сергеевич, беленую целлюлозу производит, так?

– У меня, – Чернявин откашлялся. – У меня первая очередь выпускает беленую, а вторая – небеленую. Мой Листвянский комбинат – это пятнадцать лет моей жизни. Начинал я...

Александров слушал... цифры, тонны, вторая очередь, березовый баланс... Разглядывал Чернявина. Провинция, хоть и пообтесался. Голову в плечи втянул, смотрит исподлобья, вцепился судорожно в пошлую новенькую папку из крокодиловой кожи. Совсем мужик этот Заяцу не под стать. Тот – типичный шмузер, а этот свой комбинат по кусочку отвоевывал, собирал, лепил. По нему видно, что одиночка. Ощетинился весь, ощерился. Обложили, что ли? Почему-то рассказ Чернявина тронул Александрова. Захотелось помочь этому парню, не замечавшему, что он то и дело оттирает шею платком и не переставая мнет папку. Надо бы его проверить со всех сторон. Либо за ним такие дела, что лучше и не соваться, либо прижали парня.

– Дим, а что от объединения получим? – вернулся он к теме.

– В точку вопрос, – Заяц тут же перестроился и пустился в новое длинное объяснение.

Чернявин перестал понимать смысл слов. Заяц плел что-то о канадцах или немцах, с которыми на территории Самбальского надо строить завод мелованной бумаги. Это чё такое-то? Это для бабских журналов, что ли? На этом бабки можно делать? По словам Заяца, выходило, что можно. Бабские журналы – раз, обертки-фантики разные цветные для кондитерки – два, упаковка для парфюмерии, всякое рекламное барахло, какая-то высокая полиграфия.

Где он слов таких нахватался? Заяц все трещал, что сейчас, дескать, Россия всю эту хрень по импорту завозит, а на Самбальском ее производить, мол, – самое милое дело. Подсовывал Александрову какую-то записку... Александров, понятно, слушал заячий треп вполуха, а Чернявин просто заскучал. Но тут Заяц выложил, видимо, свой главный козырь.

– ...Тебе, Константин Алексеевич, за такой холдинг, в Кремле орден дадут. Где это видано, чтоб Россия с ее лесом качественную мелованную бумагу из-за границы возила?

– Ну, допустим... – прервал Александров Заяца. – Сорок миллионов, говорите? А подо что?

– Под залог его акций. Моих акций, то есть, – сглотнув, ответил Чернявин. Эту фразу ему произнести было труднее всего. – А когда сложим холдинг, за ваш кредит – акции. Корве... конверсируем... тьфу... Конвертируем ваш кредит в акции. В смысле обменяем... Как раз выйдет двадцать пять процентов.

Забавно, что такое простое понятие, как конвертация кредита, Чернявин объясняет ему, банкиру, чуть ли не на пальцах.

– Не верю я, Дима, в твои сто шестьдесят. Рисованная капитализация. – Александров отложил бумажку, поданную Зайцем. – Хочешь по-взрослому, давай по-взрослому. Больше двадцати пяти процентов вы отдавать не хотите. Понятно, почему. Да мне и самому больше не нужно. За двадцать пять процентов акций могу внести в капитал холдинга тридцатник. Вам нужно сорок, значит, последние десять миллионов – долг. А заемщик у вас кто?

– Листвянский комбинат... – снова сглотнув, выдал из себя Чернявин.

– Какой же он заемщик, если вы его в холдинг вносите? Зачем мне на холдинге долг? Только на акционерах.

Заяц метнул взгляд на Чернявина и принялся объяснять Александрову, кто собственники Листвянки. Две компании Чернявина на Кипре, у них кроме Листвянки еще есть... Залоги – просто пальчики оближешь! Разве Заяц своему другу Александрову когда-нибудь туфту предлагал?

– Дим, – перебил его Чернявин. – Это что – мне на себя десятку вешать?

– Так не тюрюги же, Юрочка! А живых хрустящих североамериканских миллионов!

– Мужики, у меня самолет скоро, – вмешался Александров.

– Константин Алексеевич, – затараторил Заяц, почував, что Чернявин с его упрямством и жадностью может погубить все дело, которое уже так славно складывается. – Если я говорю, что холдинг тянет на сто шестьдесят, ты мне, конечно, верить не обязан. Я за свой базар отвечаю, но пусть твои проверяют! Вот оценка! Причем это без земли!

– Земля там ничего не стоит...

– Костя! У тебя же есть Олечка Красовская! Она же ничего не упустит, она крепкий профессионал. Пусть посмотрит, оценит.

– Ну, допустим. А доли в холдинге как делить предлагаете?

– У банка – двадцать пять, как вы и сказали, у нас с Дмитрием остальное пополам. Будете у нас, так сказать, гарант... – Чернявин не мог не вставить слова. В конце концов, он вносит не какой-то картонный завод и не эту самбальскую труху.

– Гарант... А что с директором Самбальского?

– Кость, я же уже объяснил, – Заяц, перебив Чернявина, сменил бодро-официальный тон на дружески-фамильярный. – Он нормальный мужик, у него цели в лесу помереть – нет. Без войны, без крови получит кэш, мы ему еще процентов пять оставим. Кому его акции будут нужны, если комбинат в холдинге окажется? Он и за треть цены отдаст, никуда не денется. Война никому не нужна.

– А где гарантия, что войны все же не будет?

– Слово офицера, – выдохнул Заяц.

Александров рассмеялся.

Директора Самбальского он припоминал – мужик солидный, но толком Александров его не знал. Да и этих толком не знает... Знает лишь, что Заяц – пройда, опасность чувствует, на гиблое дело не пойдет, но несерьезный. Чернявин, похоже, поосновательней. Хотя, с другой стороны, сорок миллионов денег не великие, целлюлоза и упаковка – дело прибыльное. Ничем особо не рискует. Почему ему хочется помочь этому Чернявину Юрию Сергеевичу, которого он впервые видит? А почему бы и не помочь? «Все в моих руках, а двенадцать-пятнадцать годовых я при любой погоде получу», – прикидывал он.

– Ну, хорошо, давайте попробуем.

Александров встал из-за стола. Заяц с Чернявиным тоже поднялись. Он подошел к рабочему столу, нажал кнопку селектора:

– Оля, к тебе придут Заяц Дмитрий Андреевич, и... – взглянул на визитку, – Чернявин Юрий Сергеевич. Принципиально договорились о следующем, помечай...

– Константин, спасибо, вот увидишь, пойдет дело. В крайнем случае, если тебе надоест, мы тебя года через три-четыре выкупим. Хочешь, в соглашении акционеров обратный выкуп твоих акций сразу пропишем, – произносил Заяц проникновенно.

Александров этот разговор веселил все больше. Даже раздражение и тревога из-за Катюни забылись.

– Пропишем, не сомневайся. Трофимов тебе все пропишет, и аудиторов пропишет, и многое другое, – рассмеялся он. – И в совет директоров крысу тебе посадим, которая печень выгрызет, можешь не сомневаться. Красовскую, например. Знаешь Красовскую? Ах, ну да, знаешь, конечно...

– Кто же не знает Олечку! Первая леди вашего уважаемого банка, можно сказать. Все будет кошерно! – Заяц только что руками не всплеснул. – У нас же такая перспектива! Главное – замутить проект мелованной бумаги. Это настоящий прорыв!

– Про бумагу – потом. Все, мужики, давайте прощаться, – Александров пожал руки обоим и нажал кнопку селектора. – Наташ, охране, водителю... выезжаю... Коле скажи.

– Константин Алексеевич! Я очень рад возможности работать с вами. Большая честь и совсем новая... как сказал Дмитрий... перспектива. Холдинг с капитализацией в двести, а то и больше. За два года – это с гарантией. Спасибо, что вы решили с нами.

Чернявина вдруг прорвало, и он не мог остановиться, не замечая, что пятится к двери, продолжая говорить. Он даже в тот момент не горевал, что отдает свой кровный комбинат в чужие руки. Неужели он дальше по жизни будет плыть вместе с Александровым? Какой мужик! Считает быстро, не сволочится. Не жлоб, не отморозок!

– Коля, я, кажется, задремал? Лобстеры, это хорошо...

– Ты не дремал, ты о Португалове думал.

– Что об этом думать, идея бесспорная, ты прав. Я о другом думал. Эти новые пассивы надо в активы разместить по уму.

Александров принялся пересказывать Коле про свою встречу с Зайцем и этим, вторым... Чёрт, почему он все время забывает его фамилию? Вообще, среднего размера холдинг в совершенно новой отрасли – в леспроме – должен украсить их банк, согласился Коля. Итальянцы точно будут им пенять, что в кредитном портфеле слишком много оборонки, что баланс не прозрачен. А они им тут же простой и незатейливый лесной холдинг выкатят. Но надо думать дальше! Какие еще понятные итальянцам проекты нарыть? Самолет пошел на посадку, Коля вылил в стакан остатки вискаря. Сейчас в отель, передохнуть, и на ужин с женами. А наутро снова в бой...

Глава 3. Первая лига

Весь следующий день Александров и Коля провели в переговорах – дружелюбных, неспешных, но непростых. Намерение у Mediobanca было, и вполне твердое, но никто и ни на что легко соглашаться не собирался. Создается впечатление, что банк слишком зависит от бюджетных счетов... А не слишком ли сконцентрирован кредитный портфель – машиностроение, металлургия, опять же, оборонка?

Александров с Колей только посмеивались про себя. Они уже в самолете озаботились и размещением пассивов, которые они соберут в ближайшее время, и даже денег Mediobanca. Сейчас эту тему вбрасывать не стоит, у итальянцев в голове не уложится. Им российских темпов не понять, и не надо. Пусть пожуют пока вчерашние новости. Поэтому Александров терпеливо доказывал итальянцам, что бюджеты областей – это не риски, а стабильность, море расчетных счетов, на каждом по копеечке, по копеечке, капелька за капелькой... Итальянцы, ни к кому конкретно не обращаясь, интересовались, насколько стабильно это море. Не получится ли так, что все эти капельки вдруг уплывут в иные банки, если вмешается государство? На это Коля азартно рассказывал жизненные истории о том, как необъятны просторы нашей страны и ее, неведомые Италии, закрома.

Уверив первых лиц в необъятности родины, Коля принялся вещать о технологиях и бюджетной дисциплине в банке. За обедом Александров переключился на глобальную экономику, как бы между прочим поминая сказанное самим или услышанное от других – то на недавнем совещании у премьера, то на последнем Давосском форуме. Не далее как пару недель назад, за ужином президент Chase Manhattan...

Коля обнаглел и предложил цену с надбавкой в шестьдесят процентов к собственному капиталу. Как заявка, чтобы сразу поняли, что опустить тут особо никого не удастся. Итальянцы ответили, что открыты обсуждать надбавку до тридцати, на что Коля заявил: «Обсудим, когда будут результаты независимой оценки, но мы оцениваем банк в семь миллиардов. Учтите, это по прошлому году. Банк растет, и независимая оценка покажет стоимость на конец полугодия».

Александров пустился в рассказ о создании мощного инвестиционного блока, в чем он рассчитывает на помощь Mediobanca. Вложения в промышленные активы – это же их профиль. Разговор пошел веселее.

На следующий день обсуждали права будущих акционеров, второй ключевой вопрос помимо оценки. Ограничились обсуждением стандартных положений, будущих процедур, а драку за порядок формирования правления и принятие решений на совете директоров отложили до следующей встречи. На прощание итальянцы вручили гостям билеты в ложу «Ла Скала» на премьеру «Così fan tutte».

До отеля пошли пешком, хотелось размять ноги.

– Скляр все равно опоздает, когда по-другому было? Мы с тобой еще по одной махнуть успеем, – повторял Коля.

У входа в отель стояли Катюня с Аней, наблюдая, как портеры выгружают из машины пакеты с покупками.

– Костя, давай прямо у бара, душа просит.

– Коля, а мы как же? – Аня повернулась к мужу. – Мы с Катей хотим шампанского. Закажи лучше в номер, я устала от толчеи... Не хочу никакой публичности.

– Агрессивный утомительный шопинг? Кость, тогда я к себе в номер заказываю, а Скляр подтянется – мы в переговорную спустимся. Ты переговорную заказал? – повернулся к помощнику Трофимов. – Поднимайтесь, я догоню.

– Костя, это правда, что Платон пригласил нас на свою виллу, а ты отказался? – Катюня отхлебнула ледяного шампанского, – Фу, какая гадость... Коля, неужели ничего лучше Taittinger не было? И винтаж какой-то сомнительный...

– Катюнь, Dom Pérignon пьют только папуасы со сотысячными часами на правой руке.

– Ты самые простые вещи возводишь в принцип...

– Катюня, пей, что дают, и скажи спасибо, тем более что ваш Dom Pérignon – кислятина, – заявила Анна. – Ты сегодня и в магазинах весь день ворчала.

– Видела б ты, Катюнь, как мы с твоим мужем сегодня итальянцев строили, – Коля сделал огромный глоток виски. – Эх, не зря день прожит!

– Цыплят по осени считают, – фыркнула Катюня.

– А деньги – круглый год, – заржал Коля.

Позвонил помощник, сказал, что прибыл Платон Валерианович Скляр.

– Костя, я хочу на озеро! Скажи Платону, что мы приедем к нему завтра.

– Кость, а может, хрен с ней, с оперой? – спросил Коля. – Поужинаем сейчас все вместе и махнем к Платону.

– Нет, мы хотим в оперу, правда, Ань?! – ответила Катюня за мужа. – А кстати, почему завтра? На шопинг я больше не могу. Ань! Я так сегодня устала! Давайте поедem к Скляру прямо после оперы? Костя, ты велел итальянцам организовать билеты в оперу для Платона с Викой?

– Кать, давай поэтапно. Сейчас нам надо поговорить пару часиков. Коль, попроси своего помощника с приемной Скипы еще два билета в оперу проработать, okay?

Александров набрал Скляра:

– Платон, ты внизу? Иди в третью переговорную, мы с Колей спускаемся. А Вика пусть к Коле в номер поднимается, тут наши девушки к тебе в гости рвутся. И в оперу рвутся... Борьба мотивов.

Скляр прохаживался по переговорной из угла в угол. Высокий, худой, с глубоко посаженными, но при этом чуть навывкате серыми глазами. Уши смешно торчали, отчего он казался моложе, хотя был всего на год младше Александрова. В нем было что-то от школьника, вытянувшегося не по годам и чуть похожего на волчонка.

– Платон, виски со мной будешь?

– Нет, я чай заказал.

– Пуэр небось, – хохотнул Коля.

Платон уселся в кресло, сцепил руки. Александров с Колей развалились на диване напротив, еле заметно переглянувшись: напрягся Платоша...

– Мужики, я в лес иду... – объявил Скляр.

– Дровосеком?

– Санитаром леса. Выгрызть из леса мелкоту. Вот у них как раз горизонты дровосеков. Лес рубят на птичьих правах, отходы куда попало выкидывают. В лучшем случае спускают за бесценок, главное, чтоб не думать. Отрасль надо консолидировать. Золотое дно...

– Лес – наше богатство, – фыркнул Коля. – Ты прилетел нам об этом рассказать?

– Именно, – усмехнулся Скляр, – Лес – наше богатство. Прилетел поделиться. План такой. Начинаю с целлюлозы – самая дойная корова. Параллельно покупаю с умом производства с приличными промплощадками и транспортной составляющей в двух соседних областях.

Александров ожидал чего-то именно в таком роде. Скляр снова покупает, снова с умом...

– ...К третьему году следующий этап – высокотехнологичные производства, – продолжал Скляр. – Современные строительные материалы, мебель, и на одном из целлюлозных комбинатов производство офигенной бумаги.

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, – крикнул Коля.

– Это все не вчера родилось...

Скляр продолжал рассказывать, как он развернулся. Небольшой целлюлозный комбинат на безвестной сибирской речушке. Два деревообрабатывающих комбината с лесосеками под Красноярском. Всего активов на триста миллионов, но везде уже идет переоснащение, стоимость уже, считай, под четыреста. Пора брать реальный крупняк. Он договорился со Жмужиным, владельцем двух крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов – в Архангельской области и в Сибири. Часть акций этих двух комбинатов Скляр выкупает и вносит в общий холдинг, остальные Жмужкин вносит сам. Холдинг станет лидером в отрасли.

– Интересный замах, – заинтересовался Александров. – Выкупаешь, или сливаешься?

– Двести лимонов он требует кэшем, остальное – вносит. Костя, тут все должно сложиться органично. Цены будут только расти, время больших инвестиций, а кругом мелкота, вечные споры из-за лесосек, кругляк, который под шумок как гнали финнам, так и гонят. Нужна пара реально крупных игроков, которые снимут сливки с консолидации отрасли, и Жмужкин это прекрасно понимает.

– Схема какая?

Жмужину, по словам Скляра, не хватало для красивой жизни миллионов двухсот кэша, и он мечтал продать дольку в одном или в обоих своих комбинатах. Это было не реально, потому что к Боре Жмужину, известному жлобу, никто бесправным младшим партнером на десять-пятнадцать процентов не пойдет. Скляр обхаживал Борю долго и убедил, что путь к искомому кэшу может лежать только через объединение его комбинатов с активами Скляра. А чтобы двум хищникам было не стремно в одной клетке, нужен дрессировщик. Пассивный, спокойный финансовый инвестор, который не будет лезть в производство, не станет сажать своих пацанов на распил. Ему придется платить дивиденды, он потребует отчетность в белую, аудиторов и прочее. А как иначе? Либо своих ребят на распил, либо дивиденды и общая гармония.

Жмужкин к идее отнесся с интересом, более того, сам предложил Русмежбанк третьим партнером – деньги там есть, Александров с Трофимовым – люди влиятельные, все респектабельно. Эту, в сущности простую и понятную идею, Скляр и Жмужкин перекладывали в структуру холдинга уже больше полугода, потому что Жмужкин считал и пересчитывал свои и склярские активы со свойственным ему жлобством и подозрительностью.

Скляр придвинул к себе листок, стал чертить квадратики, стрелочки, делить квадратики на пай... Александров и Коля с трудом успевали следить за метаморфозами этих, нарисованных на бумаге, активов...

– Мы его выкупаем, на развитие даем или что? – Коля перебил Скляра

– На бумаге вы не догоняете, я вижу. Объясняю все на пальцах!

Платон, оттолкнул от себя исчерканный лист бумаги, вскочил, снова принялся мерить переговорную огромными шагами. «Одержимость, – подумал Александров, – вот что в Скляре покоряет. Или отпугивает. Он так торопится, как будто каждый день – последний в его жизни. Плодит проекты, идя по головам, наживая врагов, и плюет на это». Именно за одержимость Александров и любил Скляра. Или почти любил, что в бизнесе одно и то же. Но добром Скляр не кончит, это точно. Слишком уверился в собственной неуязвимости...

– Жмужкин на эти доли никогда не согласится, – произнес он, выслушав Скляра.

– Тогда бы я сюда не прилетел. Тем более, что доли пока – все это условно. Безусловны лишь два факта. Факт первый – нам со Жмужиным вдвоем договариваться бессмысленно. Факт второй – больше, чем на блокирующий пакет, то есть на двадцать пять процентов, вы не вложите, а Жмужкин как держатель контрольного пакета никого не устроит. Вот такая неевклидова геометрия. Цифр, в сущности, не нужно.

– Хочешь сказать, Жмужкин отдаст контроль? Никогда не поверю, – вмешался Коля.

– Коля! Нельзя же и кэшем две сотни лимонов получить, и вас в партнеры затащить вместе со мной, и еще при контроле остаться? Так не бывает!

– Вы хоть по оценке его и твоего хозяйства сошлись? – спросил Александров.

– Мы в главном сошлись, и это я уже вам объяснил. Объединяться, иметь доступ к большим деньгам, дальше расширяться и подтягивать новые активы. Как мы поделим доли – вопрос непринципиальный...

– Не фига себе «непринципиальный», – перебил Платона Коля. – У тебя, Тотоша-Платоша, пока какая-то дикая картина. Ты даже нам ее объяснить не в состоянии...

– Что вы еще не поняли? Мне вам до третьего знака после запятой рисовать? Ясно, что вам – двадцать пять. Ясно, что остальное – нам с Борей. Уж он-то за каждый знак после запятой будет торговаться и пить из меня кровь.

А ваш вопрос – принять принципиальное решение, что вы идете на четыреста миллионов с нами в долгий проект на четыре года. Мне нужен холдинг с капитализацией не меньше двух миллиардов, ясно? И вы в нем всего за четыреста миллионов получаете двадцать пять процентов. За четыреста получаете активов на пятьсот. Что не устраивает?

Скляр сел, снова придвинул лист бумаги, стал зачеркивать прежние квадратики и стрелочки и поверх них красным фломастером рисовать новую картину в цифрах.

– Я еще раз прошерстил отрасль, прикинул... Покупаю Листвянский комбинат. Стоит он полтинник, но возьму за сороковник. Собственник там – мудель и трус. Он и по экологии накосячил, и штрафами за незаконную вырубку обвешан, как елка игрушками, и через таможеню его можно прижать, и через налоговую. Мучительно душить его не собираюсь, для него отведено времени на один доходчивый разговор. Одновременно покупаю и половину Самбальского.

– Какую именно половину? – заинтересовался Александров.

– Не ту, которая у старика Франкенштейна. Знаешь, о ком я говорю?

– Уже знаю, – вздохнул Александров.

– Это старик-основатель комбината, – пояснил Платон Коле. – На самом деле, у него выкуплю что-то тоже, но позже и дешевле, чем сегодня. Через три недели на торгах покупаю четверть Самбальского с аукциона и еще столько же у этого... сидит там... загнуло... Костя, как его?.. Он еще к тебе все время шастает. Молодой, но шустрый... С личиком таким ясным и с девическим румянцем. Лисицин? Волков?

– Заяц, – вздохнул Александров.

– Точно! Заяц. Зайца, у которого двадцать пять, выкупаю в пределах десятки, а Листвянский беру максимум за сорок у муделя... Этого я помню фамилию... Чернявин... Редкая гнида, но вы его, наверное, не знаете.

– И что в итоге результата? – спросил Коля.

– Вот смотрите, – Платон повернул свои расчеты, чтобы Коля с Александровым лучше видели. – Сейчас все изображу. Даже нарисую...

Платон увлекся рассказом. Кривая первых двух лет, потом взлет... На промплощадке Самбальского завод по производству мелованной глянцевої бумаги. Это как раз Александров уже слышал на днях от Зайца. Он допил чай, прошелся по комнате, подошел к окну.

По улице прогуливалась нарядная миланская публика. Как они тут умеют одеваться, с каким стилем! Стил, вот что главное в рассказе Скляра. Идея объединения лесных предприятий, значит, носится в воздухе. Заяц и тот, второй... как его... Чернявин... Те корпели, потели, считали до седьмого знака после запятой, принесли в клювике. Но видно было, что Заяц подвирал, недоговаривал. Ясно было, что как только Александров согласится идти с мелкими в холдинг, начнутся разводки, торговля его именем...

Склярские широкие мазки и неэвклидова геометрия раздражали, но, надо признать, Скляр начал с главного – со Жмужкина. Сейчас ему позарез нужен третий партнер с день-

гами. И он пришел к Александрову – единственному, наверное, кто на слово ему поверит. Потому что уверен: Скляр его не кинет. Потому что знает: Скляр считает хорошо и договариваться умеет. Хотя, кстати, при всем своем масштабе мелочами-то совсем не пренебрегает, когда до дела доходит. Наглый, жестокий, напористый, а хватка железная – все просчитывает, трет и трет детали, проверяет логику, умело ставит задвижки, затворы, капканы. Сдержки и противовесы, как любят теперь говорить. Не хуже них с Колей.

Скляр молод, развернулся уже в нулевых. Начал бы на десяток лет раньше – с его-то замашками могли бы и грохнуть. Из-за этих самых знаков после запятой, из-за его неэвклидовой геометрии. Сейчас уже не те времена. Договариваться, правда, так и не научились. Научились только сажать. Теперь сажают, а не грохают тупо. Скляровскими масштабами мало кто умеет мыслить, слишком многих он раздражает.

Все эти размышления к делу не относились. Александров рассеянно разглядывал нарядную миланскую публику в пальто нараспашку, а то и вовсе в свитерах и ярких шарфиках. Нет, все-таки план Скляра дикий. Итальянцы решили бы, что он с ума сошел. Десять миллионов – сюда, двадцать – туда, все на коленке... Нет... Скляр точно добром не кончит...

Александров отвернулся от окна. Коля и Платон сидели, склонившись над столом.

– Коля, ты на цифры посмотри! – продолжал убеждать Скляр.

– Опять двадцать пять! Платон, я банкир, мне надо понимать, когда и кому я продам эти активы!

– Записываем в соглашение, что в горизонте пяти лет я вашу долю выкупаю.

– Только что было четыре, а теперь уже пять! – расхохотался Коля. – Платон, ты прям наперсточник.

– Скажете «четыре», значит, будет четыре, для меня не принципиально.

– А для Жмужкина? Думаешь, он ограничится двумя сотнями лимонов?

– От того, что ты этот вопрос задашь еще три раза, ничего не изменится, – Платон отхлебнул чай и поднял глаза на Колю. Глаза были холодные, но на Колю это впечатления не произвело. – Он согласен, а остальные движения его мутной души я буду душить по мере их зарождения. Считаю, поделили уже.

– На троих? – все подзуживал Коля.

– На троих, если ты тут ни при чем.

– Ответ засчитан, минута сэкономлена. Платон, давай все же по вискарю.

– Ну, давай, если для тебя это так важно.

Коля плеснул виски в стаканы.

– Я серьезно, – Скляр поморщился, отпив глоток. – Боря для себя все правильно прикинул. Нас трое, а для контроля в холдинге всегда будут нужны двое. Люди в тебя верят, Костя! Как в гаранта Конституции!

– Не поминай гаранта все... Меня тут недавно два, как ты говоришь, мелких с ним же сравнивали. Это, кстати, еще один непростой момент... – Александров снова повернулся к окну, снова принялся разглядывать нарядную публику. У миланцев уже начались выходные.

– Если с вами, то Жмужкин согласен. Вы перекраивать ничего не будете, и нас от возможной свары всегда удержите, – звучал у него за спиной голос Скляра.

Он почувствовал, как устал за неделю. Все аргументы, что Скляра, что Коли, понятны. Всех рисков ни просчитать, ни даже предвидеть невозможно... Сколько ни считай, ни взвешивай, все равно, в конце концов, решения принимаются по наитию. Что-то, конечно, пойдет не так, может быть, даже многое, но чем больше проект, тем больше маневра. Четыре – нет, уже пять целлюлозных комбинатов, с полдюжины солидных заводов по производству стройматериалов. Сумасшедший потенциал. Если речь о том, куда деньги Mediobanca размещать, то точно не сравнить с карликовым холдингом имени Зайца – Чернявина. Сами ита-

льянцы, конечно, сочли бы план Скляра диким. Да и плевать! Главное, что у него в голове все сложилось. Все бьется. Причем по многим параметрам.

– А что, Коль?! Выглядит симпатично, не считаешь? И перед Кремлем будет чем отчитаться. Консолидация и модернизация целой отрасли. Масштабно...

– Костя! Тебе охота ввязываться в передел леса?

– Это единственное, что меня смущает. Тут буквально на днях ко мне приходили именно эти, Заяц и Чернявин... Платон! Ты сигналы уже подавал Чернявину, что нацелился на его Листвянский? Он был сизый от страха.

– Костя, все лесники об этом шушукаются. Понятно, что мимо Листвянки я не пройду.

– Платон, – оборвал его Александров. – Чернявин с Зайцем уверяли меня, что на торгах по Самбальскому у них все схвачено.

– Наврали. Не знаю, что у них там схвачено, но четверть Самбальского куплю я. Он тебе, что ли, тоже холдинг решили предложить? На сколько зовут?

– Будешь смеяться. Тоже на двадцать пять. Чернявин берет кредит под залог своего Листвянского комбината... Дальше схема примерно как твоя, только...

– Труба пониже, дым пожиже, – Коля все посмеивался.

– Так дай ему кредит, – усмехнулся Платон. – Дай! Чем быстрее, тем лучше. После торгов, где они ничего не купят, у тебя будет законный повод сказать: «Так не договаривались, требую досрочного погашения». За месяц они деньги уже куда-нибудь спустят, ты забираешь акции Листвянки в погашение. Наша с тобой схема существенно упростится. Мой объем работы – тоже.

– Нет, Платон, я не крыса. Так я не работаю. Хотя и тебя не осуждаю, поэтому «крысу» беру обратно. Коль, ты что думаешь?

– Кость, мне, конечно, спокойнее было бы пошагово... Сколько ты мелким обещал, сорок? Точно лучше, чем четыреста...

– Коль, – произнес Александров задумчиво, – а вот для итальянцев, думаю, проект Скляра был бы понятнее, чем возня с двумя мелкими комбинатами. Тут масштаб, политическая составляющая, имиджевая... Платон! Считаю, что принципиально ты меня убедил. Дай еще поварить с недельку.

– Так убедил? Или будешь варить? – с безмятежной улыбкой спросил Платон.

– Этот риск я, в принципе, взять готов. Но решений ценой в четыреста миллионов я на коленке не принимаю. К тому же надо достойно с мелкими разбежаться, честно говоря, неловко. Но если твои цифры бьются, я готов. Через десять дней дам окончательный ответ. Ты с Викой?

– Да, она сейчас подойдет, – собирая бумажки, ответил Платон.

– Я думал, она уже с нашими девушками выпивает, – бросил Коля. – Вы в оперу с нами идете?

– Я бы сходил, если Вика – за. А после оперы предлагаю к нам на Гарду.

Платон, собрал бумажки, все до одной, даже клочки, которые рвал в ходе разговора, выпрямился, весело посмотрел на Александрова и Колю. Только он умел так меняться, так мгновенно переключаться.

– Мужики, сегодня же пятница! Все как по заказу! Così fan tutte! Выходные только начинаются, а мы уже холдинг на два ярда сложили!

Приобняв Колю, своего главного союзника по вопросу выходных, Платон стал доказывать, что в городе в субботу болтаться нечего. Жены уже наверняка весь город скупили. Не исключено, что по этой причине магазины завтра вообще будут закрыты. До виллы Платона всего час езды. И вообще, зачем непременно завтра в Москву, на Гарде они отдохнут точно не хуже, чем на своих дачах.

– Катюня с Анькой будут счастливы. – Коля был согласен ехать на Гарду. – Костя, ты как? Тогда я пошел сказать барышням, чтобы собирались.

– А мы с Платоном в баре подождем. Платон, ты не против? Катюня, например, в баре не сидит. Не люблю, говорит, лишней публичности. А у тебя с публичностью проблем нет?

Платон видел, что Александров хочет что-то сказать ему с глазу на глаз, и даже знал, что именно. Десять дней для обдумывания вопроса о лесном холдинге ему нужны не для того, чтобы считать знаки после запятой. Для Александрова сделка с Mediobanca – свет в окошке. Коля Трофимов уже с полгода ходил по Администрации в обнимку с Голицыным, а по Белому дому – с первым вице-премьером. Но «папу» накручивал министр обороны. Как оставлять счета оборонных предприятий в банке, по которому будут шляться итальяшки? Они, понятное дело, в глаза не увидят ни счетов, ни контрактов, вообще ничего, кроме отчетности и бюджета. Но доктрины национальной безопасности никто не отменял.

Португалов, которого Александров и Коля поминали в самолете, был женат вторым браком на матери Вики, жены Платона. Но главное было не в этом. Он был одним из помощников «папы», причем, пожалуй, самым близким. Ему не только давали поручения, с ним советовались. Аркадию Степановичу Португалову по силам уравновесить министра обороны – человека, далеко не последнего и «папе» отнюдь не чужого. Найдет Португалов, как надуть «папе» в уши правильные слова. Даже ловчее и тактичнее, чем Голицын со всеми остальными Колиными корешами со Старой площади вместе взятыми. Потому что Португалов – помощник, своего интереса иметь не должен.

Платон знал, о чем его будет просить Александров. Тест на партнерство, можно сказать.

– Не вопрос, переговорю, – бросил он, выслушав в баре Александрова. – Вас вообще надо подружить. Два классных чувака.

«Как же, сейчас все бросит и побежит клеить мою дружбу с Португаловым», – подумал Александров, а вслух сказал:

– Буду крайне признателен.

Подошла Вика:

– Ну что? Все не наговоритесь?

– Вы обворожительны, мадам, – Александров расцеловался с Викторией. – Ждем Катюню с Анькой. Идем все вместе в оперу?

– Идем! – Вика залилась звонким смехом.

Смеялась она необыкновенно – переливчато, как будто кто-то тронул стеклянные колокольчики на рождественской елке. Свежая, нарядная, праздничная. Шелковистые волосы только что уложенные, собранные в тугую и гладкую «хвост». Облегающий брючный костюм цвета баклажана, без топа под жакетом, две нитки желтых бриллиантов на длинной шее. Как всегда, весела, в хорошем настроении. «Молодость, – подумал Александров, – еще тридцати нет, подумать только».

Вика была второй или, как выражалась Катюня, «новой» женой Склера, из-за которой тот и развелся, тут же отправив сына тринадцати лет в Итон, а затем в Оксфорд. «Куда же еще», – подумал сейчас с досадой Александров, вспомнив об этом. Хотя, когда Катюня доказывала, что Платон просто сбыв мальчишку с рук из-за Вики, Александрову это было неприятно. Он отвечал, что их Сережка тоже в Англии. Но они-то послали ребенка в Лондон на год, может, на два – язык подучить перед институтом. А Платон отправил сына одного в Англию навсегда. Такого Александров представить себе не мог. «Новое поколение, – подумал он снова, глядя на Виду. – Склер практически ровесник, но они с Викторией – новое поколение. Другое отношение к жизни. Легче меняют жен, легче отпускают от себя детей. Может, и правильно». Склер просто другой, и если бы не Вика... Собственно, из-за Вики он и казался Александрову моложе, легкомысленнее... Вообще казался другим, чем они с Колей.

– Вика, и ты тут! – трудно сказать, что стояло за словами Катюни.

Ей нравился Платон и не нравилась Вика.

– Опера ждет. Машины тоже, – произнес Коля.

Александров, отодвинув помощника, сам распахнул дверь дамам. Вся компания высыпала на улицу, где у входа стояли три черных «мерседеса».

Глава 4. Примадонна

Заяц назначил Чернявину встречу в «Пушкине». Сначала завтрак, а в полдень – поход к Красовской. Чернявин, как обычно, нервничал. Сам Александров согласился... Сорок лимонов – деньги не очень большие, но это уже деньги, не слова. А вдруг сорвется? Вдруг он этой бабе велел вопрос замотать? Как это можно исключать?

– Как это можно исключать? – вырвалось у него, когда Заяц уселся напротив.

– Нервничаешь? – Заяц с усмешкой махнул официанту. – Мне, давай, значит, овсянку с клубникой, сок свежавыжатый и капучино. Нет, постой. Еще два круассана.

– Вам, сударь, круассаны подогреть?

– Ты давай, руки в ноги и шустренько, без этих «сударей». Круассанчики горяченькие, а, Юрик? Черт, знаю, что глютен, но не могу и все. Не знаю, как с этой аллергией бороться. Совсем, что ль, не есть?

– Дим, давай к делу.

– Не бзди, все порешаем. До конца следующей недели мы бабки должны на счет получить, чтоб к аукциону успеть. Поэтому сегодня встречу надо провести четко, без дураков. Бумаги подготовил? Залоги, выписки из реестра...

– Ты мне скажи, – перебил Чернявин, – она команду получила, или все вилами на воде писано?

– Получила она команду, сам слышал.

– А если он при нас команду дал, а ей потом велел замотать?

– Не в его стиле. Но чтобы Олечкины представления о прекрасном полностью совпали с нашими, мы с тобой сегодня к ней и идем. На ближайший кредитный комитет чтоб вынесли, это ж бумаг до фига, сечешь? А придрататься можно к каждой. На процент готов?

– Четыреста отката? Ни хрена, тарифы у нее. Меньше никак?

– Валяй, предложи меньше, посмотрим, что получится.

– В пополаме, я так понимаю...

– Сдурел, что ли, в пополаме? В каком пополаме?

Чернявин жевал без аппетита омлет с ветчиной. Заяц навешивает на него все накладные. А Заяц, намазывая круассан маслом, поглядывал на Чернявина.

– Так, я не понял, Юрик. Ты что, считаешь, что я свое еще не внес? Картонный, свою четверть Самбальского, плюс то, что с торгов. Ты на торгах что платишь – причем из кредита, – то распилом первой пятнашки и отбиваешь. Вот и уравнились. Но главное, кто все сложил? Кто с Александровым договорился? Где бы ты сейчас был, а? Тебе что-то не нравится? Тогда плыви один. Я свои двадцать пять в Самбальском за чистый кэш скину тому, кто вторую четверть на аукционе купит. Кругом твой интерес, Юрик.

Заяц отхлебнул сока и, набрав номер на телефоне, закурил. Зыркнул на официанта, уже спешившего с пепельницей. На другом конце, видимо, не отвечали.

– Кому звонишь?

– Черт, круассаны снаружи теплые, а внутри... В микроволновке грели, сволочи. Никому верить нельзя, правда? Никому! А ты чё дерганный такой? Ничего не кушаешь. С твоей нервной организацией, если еще кушать не будешь, совсем крышак съедет.

– Да пошел ты...

– Я бы пошел, только кто тебя из задницы тогда вытащит? Чё ты желчью исходишь? Это ж токсины!

– Уймись, я ща просто уйду.

– Юрочка, чё заводишься, я ж по-дружески. Лучше скажи, что ты сейчас Красовской в залог предлагать будешь? Думаешь небось, ей очистительные сооружения предлагать? Убеждать, что если их приставы арестуют, то все усрутся? Сразу говорю, не прокатит.

– Акции не отдам. Потом у него что-то изменится, и что? Кредит взыскать и забрать акции – раз плюнуть.

– Не гони ты волну... Во-первых, ты ему сам обещал акции. Во-вторых, говорю, оборудование не прокатит.

– Вот и я говорю, чем языком молоть, лучше придумай, как акции не закладывать...

– Юрочка, Юрочка... Все с тобой понятно. Так и знал, что в последний момент начнешь елозить. Чёрт, третий раз набираю.

– Кому звонишь-то?

– Етить твою... Олечке, кому еще? Запомни, Заяц – твой лучший друг! Пока ты желчью исходишь и в падучей бьешься, друг уже все прикинул. Акции на ком?

– Сказал же, два кипрских оффшора.

– Вот и прекрасно... Алле! – закричал Заяц в мобильник, начавший уже в пятый раз играть «раскудрявый клен зеленый, лист резной...». – Приветствую самую красивую женщину финансового истеблишмента! Все в силе? Мы выдвигаемся. Да, с документами, с расчетами... Времени много не отнимем. Олечка! Ты завтра со мной отужинать сможешь? Не отказывай верному обожателю. Подумай, пока мы едем, добренько?

Ольга Сергеевна Красовская возглавляла второй клиентский департамент, самый большой и самый доходный. Ее департамент обслуживал весь крупняк и оборонку и ни разу не был затронут чистками, которые время от времени устраивал Александров, убежденный, что каждый рано или поздно либо прекращает работать, либо начинает воровать. Красовская была примадонной, первой леди. На ее департамент приходилось почти половина оборотов банка, а на саму Ольгу Сергеевну – больше половины помоев, которые выливали все на всех в кабинете Александрова практически ежедневно. По поводу Красовской Александров неизменно отвечал, что она – крепкий профессионал, и это была правда.

Примадонна сидела за огромным столом, щурясь от весеннего солнца, светившего в левую щеку, и расписывала бумаги. На вошедших она едва подняла глаза и снова уткнулась в бумаги.

– Ольга Сергеевна! Вы по-весеннему неотразимы, – с порога заорал Заяц.

– Садитесь...

Красовская не пересела за переговорный стол, посетители примостились за приставным столиком напротив. Не отрываясь от бумаг, бросила Чернявину визитку, нажала кнопку селектора:

– Оксана, задерни шторы и кондиционер включи. Бегом. – Наконец подняла глаза на Заяца: – Документы принесли? Сорок миллионов? На что кредит?

– Как теперь модно выражаться, на слияния и поглощения. Но мы люди мирные, никого не поглощаем, а сливаемся в гармонии с вашим уважаемым банком. Складываем стратегический, можно сказать, холдинг...

Красовская перебила его:

– Финансовая отчетность и документы по объекту залога где?

– Есть, все есть... принесли.

Красовская пролистала поданные бумаги.

– Как перераспределяются акции?

– Принципиально с Константином Алексеевичем договорились так, – Заяц подsunул Красовской еще листочек.

– В залог – акции, так я понимаю? Кто оценку делал? Оксана, мне еще залоговика и юриста.

– Я же говорил тебе, Юрий Сергеевич, что Ольга Сергеевна – крепкий профессионал. Все как по нотам, чувствуешь? Уже, считай, наш кредит в работе. Олечка, завтра как насчет ужина?

– Завтра пятница, я женщина семейная.

– Тогда чайку просто выпить по дороге домой. Проедешь мимо «Мариотта», душа моя? Дотрем детальки, чтоб точно к ближайшему кредитному успеть.

Что именно Заяц собрался дотирать с Красовской, он объяснил Чернявину по дороге к машине.

Глава 5. Будни

В понедельник Александров чувствовал себя разбитым. Знал же, что не надо было в ночи ехать к Склярю на озеро, но дал себя уговорить. Всю субботу катались на яхтах, он простыл, несмотря на солнце. Какая глупость – кататься на яхтах в конце февраля! Потом много и долго ели и пили. Потом поперлись на другую сторону озера на дижестив, легли поздно. В воскресенье – то же самое. По дороге в аэропорт попали в вечернюю пробку, в Москву прилетели глубокой ночью.

«Ведь все известно было с самого начала, – думал Александров, разглядывая выбритую щеку в зеркале. – Все известно... Самолет под парами три часа продержали, что было тоже известно. Разве Катюню из-за стола вовремя вытащишь? И как буду чувствовать себя в понедельник, тоже было известно. Зато Скляр – в наваре, оставил свой «фалькон» в Милане, на моем вернулись. Заберет в другой раз... И это было заранее известно».

Не известно только, примет ли его «папа», и когда. В том, что Скляр не слезет со своего родственника Португалова, Александров не сомневался. Скляр и раньше-то был первым интересантом качать из Русмежбанка деньги, а уж с учетом его нынешней лесной санитарии... И еще неизвестно – с чего вдруг Скляр пустился в философские откровения во время воскресного застолья. Именно из-за этого они и приехали так поздно в аэропорт, просадив кучу денег за простой самолета под парами.

– Под такое вино, можно позволить себе вспомнить, что даже у меня есть свои лучшие стороны. И даже слабости. Тянет меня вином заняться, – Скляр крутил бокал с золотистым напитком, разглядывая его против солнца.

Они сидели за столом на огромной застекленной террасе. Стекла, судя по всему, ближе к лету снимут. Терраса была вымощена состаренной плиткой и увита, видимо, виноградом – из земли торчали аккуратно подрезанные лозы, которые тоже к лету обрастут листочками и потянутся по перголе вверх.

– Вином? Неожиданно, – рассеянно бросил Александров. Ему было наплевать и на лучшие стороны Склера, и на его слабости. Чувствовался легкий озноб – не надо было куртку снимать на яхте. Росло раздражение от того, что все затягивается, что он мог уже вчера отсыпаться в одиночестве у себя на даче. А должен сидеть тут и через силу складывать в себя спагетти с трюфелями. И вообще, два дня общения – хоть с кем, а со Скляром в особенности, – перебор.

– Эх, не были вы еще у меня на Сардинии, вот где красота! Краски яркие, солнце, жара. А кругом виноградники... Замышляю в тех краях новый бизнес. Такая поляна...

– Значит, с лесом еще не решил? – тут же поддел Платона Коля. – Может, мы легким испугом отделаемся, а ты по Италии зубами щелкать пойдешь? Если надо, мы тебя с правильными людьми в Mediobanca сведем.

– Нет, мужики, от леса вам не отвертеться. Но непременно затащу вас обоих на Сардинию.

– Вино отменное, – согласился Коля, – это у тебя с Сардинии? Я сегодня даже без виски, как пайнька.

– Отменное. И вы, мужики, тоже отменные. Если б вы знали, как я ценю наши отношения. Мы настоящие, умные, сильные пацаны, до донышка понимающие жизнь. До самой последней капли, до послевкусия.

– Герцог угощал нас неотравленным вином? – с ласковой улыбкой спросил Коля. – Опять задумал что-то, Платон Валерианович?

– Нет, Коль, я просто в Италии всегда добрею. Мы жесткие, часто агрессивные, иногда беспощадные, – продолжал Платон. – Все это есть, но больше нам это приписывают. При-

писывают люди мелкие, которые всего страшатся, но втихую обворовать и смыться – это пожалуйста. И напоследок нагадить в знак благодарности.

– «Напасть и отобрать, украсть и перепрятать». Максима не нова, Платон.

– Это не максима, а медицинский факт. Вот я и не понимаю, как Костя мог ввязаться в проект с двумя мелкими гадёнышами.

Александров глянул на часы:

– Была у волка одна песня... В аэропорт пора выдвигаться, а то в пробку попадем.

– Костя, в пробку мы уже попали, теперь уж лучше до вечера переждать. Девушки, еще винца?

– Хорошо сидим! Костя, расслабься, – откликнулась Катюня.

– Мужики, предлагаю тост за нас, – Платон поднял бокал. – Мы крупные и мыслящие. Мы всегда договоримся так, чтобы не делить, а умножать. Богатство общества и свое собственное.

– За нас. За крупных и мыслящих! – Коля поднял бокал.

– Да, мы агрессивные! Потому что прём по своим планам. Ломаем людей? Бывает. Но в открытую. Зато мы доносов в сортире при свечах не пишем.

Александров вспомнил, как передернуло его от этих слов Скляра. Он даже не решился взглянуть на него. Или тот так просто ляпнул? Давно это было... Больше пятнадцати лет прошло. Александров так старался стереть это из памяти...

Он закончил бриться и задумался: принять душ или сначала пойти поплавать в бассейн? Загадал: если «папа» до следующей среды примет... тогда он в четверг и даст Скляру ответ. За четыреста лимонов длинного кредита зарядить Португалова, чтоб тот убедил «папу» – это по совести. Помимо проекта, конечно. Выйдя из душа, набрал свою приемную.

– Наташ, все спокойно? Я к обеду приеду. Звони, если что.

Из спальни вышла Катюня.

– Костя, ты дома с утра побудешь? Как хорошо.

– Пусть пробки рассосутся. Понедельник... Пошли в бассейн поплаваем.

– Разве что за компанию, раз уж ты дома...

Завтракали долго, говорили о Сереже. Надо забирать его из Лондона и приставлять к нему репетиторов. Договоренности в академии – это прекрасно, но без подготовки он может просто завалить экзамен, так что никто не поможет. Катюня ныла, что надо слетать к сыну в Лондон, что пальто, купленное в Милане, на ней сидит странно, спрашивала же она Костю, менять пальто или нет... Александров отключился. Пожалуй, надо встретиться с аудиторами, заключение он должен проработать с ними сам и только потом отправлять в Mediobanca.

– ...Одна я не полечу, Костя. Давай на выходные слетаем? Весенний Лондон... Ну давай!

– Кать, ей-богу, у меня сил нет. Завтра на весь день в Тулу, в среду – правление. А мне еще неплохо было бы подсутиться и в Орел рвануть в начале следующей недели, туда правительство собралось, к губеру. А в Лондон в конце недели... Кать, ты меня уворишь.

– Ты забросил ребенка!

– Мы по телефону говорим почти каждый день. Девчонка появилась, и что? Ему шестнадцать. Что ты собираешься ему втолковывать? Что, лучше, если бы у него появился мальчишка?

– Ты как отец...

– Я как отец не вижу предмета для нашего вмешательства.

– Тебе, как всегда, наплевать на семью.

– Кать, не начинай...

– Только не говори, что ты нас всех содержишь, кормишь и поишь...

– Это и так известно. Слетай сама! Проветришься.

– Одна?

– Не могу я постоянно гонять свой самолет туда-сюда только потому, что тебе на «Аэро-флоте» влом.

– Не хаи мне.

– Катюня, мы только что из Милана. Все было, как ты хотела: и шопинг, и опера, и даже к Склярю поперлись не известно зачем. Утомонись.

– Тебе непременно надо меня осаживать. Ты занят только...

Александров, не дослушав, чем именно он занят, прошел в кабинет. Надо сделать пару звонков с городского, не по мобильнику, и уже выдвигаться. Он поймал себя на том, что опять вспомнил Лиду. Почему она стала вспоминаться в последнее время? Что-то вертелось у него в голове... Что-то, связанное с ней... Зазвонил мобильный.

– Костя, едешь уже? Я в Администрации... В банке буду к трем, не раньше, ты будешь на месте?

– В три буду. А вечером мне к вице-премьеру, где-то к девяти.

«Выходные пролетели, будто и не было. И опять понедельник, и опять будни. Да и в выходные никакого покоя, – Чернявин, как обычно, в рубашке и в трусах спускался по лестнице завтракать. – Теща приперлась со своей собакой. Машка за выходные к роялю даже не подошла. Все разболтались, к чертовой матери!»

Он заглянул в кухню, там суетилась жена, дочерей уже увезли в школу. В нагрудном кармане закряхтел мобильный, который Чернявин с ночи поставил на «без звука». Он глянул – Заяц. Пусть подождет, лучше с утра в баньку заглянуть.

– Лида, сауна горячая? – крикнул он, направляясь в сторону сауны.

Ответа он не расслышал. Горячая, конечно, это он раз и навсегда ей велел на носу себе зарубить. Захочет он в сауну с утра или нет – это его дело. А ее дело – чтобы все было готово. Хоть с вечера, хоть с утра.

Вообще-то, Лидка в последнее время вконец распустилась. На работу захотела. В гробу он видал ее работу, чё она делать-то умеет? Как она будет на эту работу ездить? На электричке, что ли? Домработницу вторую придется брать, кому это нужно? Больше всего бесило, что Лида готова бросить дочерей. Водитель их из школы привезет, а где мать? Ни накормить, ни переодеть, ни проследить, чтобы уроки сделали, чтоб ноты, холсты, прочую хрень не забыли. Кто будет учителей ублажать, туда-сюда, подарки, деньги? Работа ей нужна! А дочери для нее – не работа? Не говоря уже о доме, стирке и прочем...

– Юра, я же с тобой советуюсь, – заявила Лида накануне за ужином, когда Чернявин ей все это втолковывал. – Маше уже семнадцать, Тане – четырнадцать, девочки прилежные, самостоятельные. Я считаю, им даже во вред, что я все время вокруг них кручусь, опекаю. А я могла бы такую работу найти, чтобы не каждый день ходить. Преподавать или в издательство, художественную литературу переводить...

– Нет, я сказал! Тебе чё, денег не хватает?

– Мне не деньги нужны.

– Не нужны... Когда они есть, то не нужны. Не нервируй меня.

Чернявин, конечно, был не святой. С чего бы ему быть святым? Можно подумать, Лида была такая же, как в первые годы после свадьбы. Он к ней... а она... – к стенке лицом. Мужчина он или кто? Денег, слава тебе господи, хватает, девок – тоже. И не подзаборных. Он с удовольствием вышел из парной, нырнул в прохладный бассейн. В кармане халата продолжал кряхтеть поставленный на «без звука» телефон. Чернявин, ополоснувшись, растерся полотенцем, накинул халат и рывкнул в трубку:

– Чё ты, Дим, с утра пораньше надрываешься? У меня сейчас телефон лопнет.

– Ты оба соглашения со своей стороны подписал? – как всегда, радостно закричал Заяц. – Наша встреча с Олечкой прошла прекрасно! Понял?

Чернявин внутренне сжался. Зачем все по телефону? Чтоб обиняками, чтобы темнить легче?

– Все в позитиве, Юрочка, не переживай. Нервный ты очень. Другьям надо больше доверять. Думаешь, я сам бы не допёр, что надо проложиться, чтоб Костя не смог передумать?

– Не телефон... Деньги нам когда поставят?

– Если все сложится, в четверг вечером деньги придут на комбинат.

– А зачем на комбинат? Пусть на офшоры гонят. Они же поручители.

– Интересные шляпки носила буржуазия... Ни хрена себе! Тридцатка в холдинг идет или куда? Тебе десятка только, причем с возвратом.

– А... ну да... – снова вздохнул Чернявин.

Чернявин физически почувствовал, как его плоть и кровь, его комбинат отделяется от него, отдаляется, уплывает по воздуху, покачиваясь... в чужие, загибающие лапы. А с ним вместе – сорок миллионов долларов. Да еще процентов накрутят.

– Не слышу в голосе радости! – все кричал Заяц. – Тебя что – в холдинг на аркане тащат? Так еще не поздно, откажись, и все.

– Не базарь... Но акции к ним в депозитарий я переводить не собираюсь. Им вожжа под хвост попадет, они акции спишут, а мне по судам бегать?

– Юрик, наглеешь прям на глазах! Для чего кредитор заложенные акции к себе в депозитарий требует, а? Именно для того, чтоб за ними потом по судам не бегать. Тебе не нравится?

Какого черта Заяц все открытым текстом шпарит! Все ж в пятницу уже проговорили.

– Ни хрена, – заорал он, тут же забыв, что разговор по открытой связи. – Если взыскать захотят, никакого безакцептного! Ты это согласовал? За что я тебе... отдал?

– Радостно, что мы с тобой одинаково мыслим. Услышал меня?

Заяц усмехнулся, однако никакой радости его лицо не отобразило. Он показал себе в зеркале язык. В телефон же произнес:

– Рад, что ты рад моему подарку. А ты, оказывается, жук, Юрочка.

– От жука слышу...

Александрова замотала рутина. Дни неслись бешеным галопом в изнурительной чехарде дел – приветствия, бумаги, разговоры, совещания до тупого остекленения. Обед в Туле, где опять съел больше, чем надо. По дороге в Москву – вязкий разговор с чиновником, отказать нельзя, а тому плевать, что Александров измучен, ему свой вопрос решить хотелось. Собственные вопросы Константин в Туле решил только наполовину, придется теперь этих директоров заводов и концернов, что прикидываются на совещаниях простаками, отлавливать в Москве, снова тратить на них время...

Он терпеть не мог вязнуть в мелочах. Его дело – прыгать с одной льдины на другую. А если льдина пошла трещинами, то он уже должен быть на следующей. Мелочи и трещины пусть дотирают подчиненные. Нельзя задерживаться, иначе уйдешь под воду. Надо бежать вперед. Только вперед, к сделке с Mediobanca. Итальянцы не обеспечат Русмежбанку неуязвимость и независимость от самодурства и запретов, тем более – от законов этой страны, где за все платишь нервами, потом и кровью. Изматывающая неповоротливость, привычная тупость – что тульских, что пермских клиентов – тоже не переменятся. И все же, сколько решится проблем! Заполучить Mediobanca акционером! Их соглашение и все разумное, что они там запишут, станет защитой от тех, кому отказать и язык-то не повернется. Броней от их постоянного давления, от попыток посадить к нему в банк, в совет директоров соглада-

таев, казачков засланных и просто блатных дуроебов. Все привычные расклады, мешающие работать и даже дышать, – всё будет давить в разы меньше. Крыша? В каком-то смысле.

Глава 6. Сон и явь

В ту ночь Александрову приснился странный сон, что было вдвойне странно, потому что снов он обычно не видел. Катюня хвасталась подружкам, что при всем замоте и измоте, при всей нервотрепке и постоянных пинках, которые муж огребаёт и в Центробанке, и в правительстве, – бессонницей он не страдает, бог миловал. Ночными кошмарами – тоже. А тут сон.

Ему приснилось, что банка больше нет. Пришли итальянцы и отобрали. Mediobanca оказался связан с итальянской мафией. При этом мафии помогали почему-то Чернявин и – что еще более необъяснимо – Скляр. Сон ощущался как кошмар, но когда Александров проснулся, первым чувством было облегчение. Никуда не надо торопиться, и можно не переться в Тулу, будь она неладна, и в Орел на следующей неделе. Можно спать, обнимать Катюню, можно подумать – впервые за двадцать лет их жизни! – о том, как классно было бы забуриться куда-то вдвоем. Глаза открывать не хотелось. В них не стоял, как обычно, его собственный кабинет в банке и скопившиеся в нем проблемы, вместо них неожиданным образом проступили зеленые холмы то ли Гавайев, то ли Новой Зеландии, где, кстати, они с Катюней еще не были. Это ощущение свободы и странной безмятежности длилось и длилось. Оказывается, он почти забыл, что такое свобода и покой. Но тут же торкнул вопрос: а при чем тут Чернявин и тем более Скляр? Они, что ли, сговорились? И мафия еще. Никакой логики. В пространстве сна законы логики не действуют. Подсознание выписывает свои кренделя. «Крендель, прям как у Гоголя, – усмехнулся он, спустив ноги с постели и мгновенно отрезвев. – Проснулся, а носа-то нет! И ведь не осталось ощущения кошмара. Как будто так и надо. Чувшь какая. Эта сделка с Mediobanca довела до паранойи. Тревога точит, что все может сорваться, я останусь с носом (то есть без носа!) и вечно буду мотаться в Тулу, в Орел, окучивать таких, как Чернявин... Это наша родина, сынок, вот, что это значит».

Только не хватало еще сны толковать. Он глянул на часы и ужаснулся. Уже пятница! Неделя пролетела, а толком ничего не успел. Александров побрел делать зарядку, не слушая, что вслед ему запричитала Катюня. Замирал тревожный толчок, от которого он проснулся. Под душем снова отчего-то вспомнил Лиду... Была какая-то неуловимая связь между ней и этим дурацким сном...

Представить себе жизнь без банка Александров не мог. Никто не в силах оставить его с носом. Такое даже в страшном сне не приснится. Но ведь приснилось же! Странно, впрочем, не это, а ощущение, что вместо банка в том сне он приобрел что-то новое, о чем никогда раньше не догадывался, а потому и желать не мог. «Сентиментальность», – хмыкнул про себя Александров, подписывая бумаги в машине и отвечая на звонки. И только он подумал об этом, как раздался звонок, ожиданием которого он жил всю эту вязкую неделю. Какой, к чёрту, сон, в самом деле!

– Костя, звони «папе» в секретариат, тебя ставят на среду. Свяжись с Португаловым, ему срочно нужны записка и все материалы, письмо – в общем, все, что он должен занести.

Ай да Скляр, конкретно за базар отвечает! Так подсуетиться, чтобы за неделю напрячь Португалова выкроить местечко в «папином» графике, на месяц вперед согласованном.

– Платон, снимаю шляпу. В среду? Погоди, перезвоню, – Александров нажал отбой и тут же набрал Трофимова. – Коля, в среду встреча с «папой», снимай, к чертям, свой график и иди ко мне бумагу писать.

– Костя, я только что уехал из банка. Сначала...

Александров не стал слушать, куда уехал Коля, он тут же переключился на приемную.

– Девчонки, Самохина быстро. Самохин, к обеду справку по допэмиссии со всеми последними цифрами и все приложения, понял?

Тут же снова набрал Склера.

– Платон, что могу сказать. Только еще раз спасибо.

– Спасибо не отделаешься, я жду ответа по холдингу. Ладно, отпускаю, тебе готовиться надо.

Весь день снова пролетел, как одна минута. Справку принесли не к обеду, конечно, а только к вечеру. Тут появился Коля, прочел справку, хотя ее можно было и не читать – она никуда не годилась. Вдвоем они отодрали Самохина и сели продумывать письмо на «папу».

– Мы с тобой тут до полуночи просидим, – сказал Коля. – Давай хоть ужин попросим.

– Это они пусть до полуночи сидят. Или до утра. – Александров нажал кнопку секретаря. – Наташ, пусть нам ужин быстренько накроют. А этих бездельников дерни через полчаса, чтобы не расслаблялись. Как справку сделают, бегом к нам.

– Письмо я вчерне уже набросал по дороге. – сказал Коля. – Обсудим, девчонкам отдадим. Потом спокойно пожрем и доделаем начисто.

Александров принялся было водить карандашом по тексту проекта письма «папе», но тут же схватился за селектор:

– Наташ, Склера найди еще раз.

– Впрямую я про оборонку не писал, – пояснял Коля. – Принципиальное согласие на сделку плюс поручение проработать совместно с нами вопрос о переводе счетов госпредприятий в банк в целях повышения его стоимости.

– Коля, при чем тут стоимость? Мы о стране печемся, а не о банке. «В целях наращивания финансирования стратегических отраслей». Наташ! – крикнул Александров в селектор. – Пока Склера ищешь, дай Самохина. Самохин, выкинь таблицы из справки. Да, все выкинь! Оставь три цифры: пассивы, кредитный портфель и темп роста.

На селекторе замигал встречный звонок.

– Платон! – снова закричал он, – Ты обговорил с Португаловым, чтобы он поручение заготовил? Да, на подпись. Чтобы мое письмо сразу с проектом правильного поручения подавать. Я в понедельник ему сам бумаги привезу и в руки отдам. И поклон ему от меня низкий... Сделай прям сейчас, если еще не поздно звонить, а? По-родственному.

Александров повернулся к Коле.

– Молодец Склера. Завтра они у Викиной мамы обедают. Говорит, решит.

– Отлично. Пошли есть.

За ужином еще раз крутили письмо, еще раз завернули справку Самохина. После ужина доделали письмо... Наташа зашла в кабинет, принялась разбирать бумаги.

– Наташ, ты мне окончательный вариант справки скинуть не забудь. Что вздыхаешь, только десять! Рабочий день еще!

– Я не вздыхаю, Константин Алексеевич. Просто сомневаюсь, что они до утра сделают.

– Значит, тут заночуют, а ты мне с утра скинешь. К утру не сделают, значит, завтра будут сидеть. В понедельник меня до обеда не будет, еду к Португалову. Ты с его приемной завтра согласуй.

– Константин Алексеевич, в понедельник правление, забыли? Не успели в среду все вопросы рассмотреть, на этот понедельник перенесли.

– Значит, Трофимов проведет... Коль...

Александров не заметил, что Коли уже нет в кабинете. Взяв портфель, направился в отсек, где находился их с Колей персональный лифт. Охранник уже придерживал открытую дверь лифта. Александров, проигнорировав лифт, зашел в Колину комнату отдыха, выходящую в тот же отсек, оттуда – в Колин кабинет. Коля, стоя, уже собираясь уходить, перебирал бумаги на столе.

– Коль, я поехал, сил нет. Правление в понедельник на тебе.

– Я еще вчера тебе сказал, что в понедельник я до обеда в Думе...

– Да, забыл. Слушай, там повестка, по-моему, пустая, реши сам, кто проведет, и дай все команды.

– Погоди, посмотрю, – когда дело касалось работы и в особенности правил и процедур, Коля педантично проверял все детали. Он открыл папку с надписью «Правление». – Ну да, ерунда одна. Дополнения к кредитной политике, которые аудиторы рекомендовали... Утверждение нового устава заграничного офиса в Цюрихе... Нет, Кость, я погорячился. Там еще два крупных кредита.

– Каких?

Александров глянул в Колину папку. Ткнул пальцем в селектор.

– Хорошо, что я не ушел. Наташ, быстро Бугрова найди. На мобильник соедини, я уже одной ногой в лифте. Коль, Бугров вообще отвязался, председатель кредитного комитета называется. Ясно же сказано: на недострой – никаких денег. А второй кредит, ты говоришь?

– Второй – это... – в этот момент зазвонил мобильный Александра.

– Коль, я пошел, из машины тебя наберу. У меня дома полный пердимонкль, Катка от рук отбилась, у нас комендантский час. Наташ, Бугров? Василий, ты что там за моей спиной вытворяешь? Какие указания по Ступянскому были? Со мной эти фокусы не проходят. Ты, дескать, через кредитный провел, а я, гад, на правлении зарубил, так, что ли?

Александров кивнул Коле и вошел в лифт.

– ...Нет, это ты меня, Бугров, слушай! Если ты еще раз такую разводку в моем банке себе позволишь... – тут связь прервалась, лифт спустился в гараж.

Александров сел в машину. Милиционер на выезде из гаража уже перекрыл движение на их маленькой улочке, хотя в такой час перекрывать было нечего. Все симулируют труд в поте лица, а сами только и думают, как меня на... Давно Александров не был так зол.

– Наташ, сорвалось, давай опять Бугрова.

Отодрав Бугрова, Александров откинулся на спинку сиденья. Так, что еще он забыл? Что-то же еще было в связи с этим правлением... Ну да, Колю надо набрать. Он уже нажал кнопку «Трофимов», но тут высветился встречный звонок Катюни.

– Еду, Катюнь, уже еду. Через полчаса. Ужин? – Александров сообразил, что они с Колей только что поели. – А как же! Что у нас на ужин? Потому и тороплюсь... Можем даже при свечах. Ты как день провела? – Он отключился, прикрыв глаза, а Катюня пустилась в повествование. – Ага... Нет, почему «не слушаю», я слушаю... Это кто был? Да я просто не расслышал, мы в тоннель въехали. Что сказал? Какой удар? Да нет, я тебя внимательно слушаю. Хочешь, повторю? Тренер сказал, что у тебя при подаче рука... А ты говоришь, что я тебя не слушаю.

Закончив разговор, он попробовал вспомнить утреннее ощущение. Лиду вспомнил, ощущение – нет. Дома его ждала Катюня, а в банке уже сейчас, поздней ночью в пятницу, его ждали утренние дела понедельника. Орел в понедельник уже отпал, с утра – к Португалову, тот во вторник все проработает, чтобы в среду никакой осечки. Нужен плановый результат. Заказ Скляр отработал, они с Колей – тоже, теперь дело за Португаловым и – вперед.

Глава 7. Как по заказу

– Мистер Хитроу... Простите, – засмеялся полицейский, – это ваше кодовое имя. Вы обвиняетесь в организации убийства господина...

Следователь заглянул в бумажки. Засмеялся, поняв, что переврал фамилию. Долго задавал дежурные вопросы: когда прилетел, когда улетел, с кем встречался... Почувствовал, что градус допроса снижается, и вломил:

– У вас была встреча с мужчиной в баре гостиницы «Новотель»?

– В каком баре? Тут много баров.

– Повторяю, в баре гостиницы «Новотель».

– Не помню такого отеля.

– Я бы на вашем месте постарался напрячь память, не повредит. Организация убийства – это не шутки. Как вы это называете? Заказ? Не организация, а заказ? Интересно...

Следователь переглянулся с полицейским в форме:

– Покажем кино мистеру Хитроу?

В понедельник Александров добрался до банка из Администрации только к пяти. Конечно, он и раньше был шапочно знаком с Аркадием Степановичем Португаловым. При более обстоятельной встрече особого впечатления Португалов на Александрова не произвел, несмотря на рост и военную выправку, показался рыхлым и невыразительным. Но мамаше Вики Скляр, конечно, крупно повезло – может, не меньше, чем дочери. По крайней мере, на приемах, где ее с мужем Александров пару раз видел, Викина мать прямо-таки светила от собственной значительности.

Он сидел в кабинете Португалова, тот читал его бумаги, при этом то и дело хватался за вертушки, вскакивал, убегал куда-то, а Александров ждал... Португалову захотелось править его бумаги, ясен пень, надо же показать заботу о штабной культуре. Несмотря на высокую штабную культуру, секретари Португалова все время путались, делали опечатки, Португалов лично принимался их править, тут ему приходил в голову новый оборот – «это же принципиально, вы согласны, Константин Алексеевич?», – снова отдавал листок с правками секретарям и тут же срывался по очередному звонку. При этом угощал Александрова чаем с печеньем и приветливо показывал, что возня с бумагами его особо не раздражает, не мешает заниматься важными делами, по которым он все бегал, а Александров – проситель, которому вообще о времени беспокоиться не пристало.

Вторник прошел в разборке завалов в офисе, в звонках, совещаниях, в раздраженном выслушивании сотрудников с их проблемами и в ожидании встречи, отчего раздражение на сотрудников только росло. Сон о том, как он лишился банка и обрел свободу, давно забылся, Лида – тем более.

В среду он прождал в приемной больше полутора часов в отрыве от мира, нервничая, что вдруг в последний момент встречу отменят. Но все прошло, как по заказу, как по нотам, более того – встреча продлилась дольше, чем было запланировано. Это было огромной удачей, что с некоторым нажимом и, как показалось Александрову, с оттенком досады дважды подчеркнул Португалов, снова потчевавший его чаем. За чаем Александров высказывал Португалову благодарность во всех допустимых формах, затем снова прошелся по избранным кабинетам, в некоторых снова пил чай, вскользь упоминая о том, как удачно прошла встреча. Когда вырвался из Кремля, набрал приемную – он едет, всем ждать, особенно начальникам клиентских департаментов. Приехав, раздал команды: быстро направить письма в министерства согласно завтрашней «папиной» резолюции, и не медля – одна нога тут, другая там – отправляться на встречи, прорабатывать вопросы перевода счетов. Коля еще в обед заса-

дил департамент Самохина обсчитывать результаты похода к «папе» – аудиторы согласились добавить к балансу две сотни миллионов в прогнозе следующего года.

– Это ж как минимум плюс сотка к оценке! – Коля возбужденно тыкал пальцем в цифры. – Никакого оттока средств оборонщиков, наоборот, устойчивый приток. Плюс крупные госкорпорации. Долгосрочная тенденция. Дело не в административном ресурсе, а в том, что банк движется в русле стратегических перспектив страны!

Но Александров уже не слушал. День прожит, результат получен, он был уже на следующей льдине.

Теперь, значит, Скляр. Самое милое дело – разместить новые деньги в лесные активы. Пусть итальянцы утрутся – они еще и кредитный портфель диверсифицировали за счет леса. Значит, все одно к одному, и карты ложатся правильно, и звезды встают тоже, как заказывали. Со Склярком они так раскрутят оба проекта, – итальянцы крякнут от удивления. А с носом останутся те, кто этого еще не понял. Ведь речь не только о холдинге для Скляра и о его собственном банке. Извините, мы о модернизации лесопромышленного комплекса. Можно и орден заработать. Не сравнить с этим заячьим карликовым холдингом... Как же этого второго звали, с которым Заяц приходил? Запомнились только засаленные волосы и дурацкая крокодиловая папка. Нет, еще взгляд – исподлобья, затравленный. Ну да, Чернявин. Опять склероз. А ведь даже приснился этот хмырь. Надо быстро и достойно с ними обоими разбежаться и забыть. Не замыливать, не говорить секретарям, чтобы не соединяли. Он не пацан, чтоб от зайцев бегать.

– Завтра с утра вызови ко мне Зайца и Чернявина, с кем Заяц месяц назад приходил, помнишь?

– Да, Константин Алексеевич, – Ирина, второй секретарь, вошла к кабинет, держа в руках список звонков. – Приемная Франческо Скипы звонила, спрашивали, когда вам будет удобно переговорить.

– Давай прямо сейчас и соединяй, у них там сколько – шесть? Должен быть еще на работе. Список звонков оставь... По остальным жди.

Сейчас он обрадует Скипу – сегодня лично встречался! Хорошо все-таки, что он идет в сделку с Mediobanca, а не с Deutsche Bank или, тем более, с америкосами, те бы два года ходили вокруг да около. Итальянцы – наши люди, способны оценить близость к власти. Вот так-то, Скипа! Все, как заказывали!

Глава 8. Мелкие

Это тогда Чернявину казалось, что страх ушел. А страх сгинул только здесь, в городе Лидсе, в Западном Йоркшире. Потому что уж здесь-то никто его не достанет.

Страх терзал Чернявина с тех самых пор, как он учуял, что Скляр приглядывается к его хозяйству. После первой встречи с Александровым он вроде утих, обручи, стиснувшие сердце и не пускавшие воздух в легкие, стали разжиматься. Но облегчения хватило дня на два, не больше. Хоть и взлетная практически полоса, а что и куда летит-то? Комбинат прочь улетает. А на нем летят сорок миллионов кредита.

Ну, допустим, пятнашка из этих сорока – на Самбальский и на распил. А тридцать пять лимонов – на развитие? Это ему надо? Комбинат уже, считай, колхозный... Ну, можно, еще лимонов семь-восемь в него вложить, может, даже установку для переработки отходов купить и контейнеры для ртути... Если деньги останутся.

Думая о том мерзком дне, когда Александров пригласил их к себе, и глядя на зубчатые башни, Чернявин, вспоминал, как колбасило его все три недели. Крыша нужна была позарез, но холдинг был ему поперек горла.

– Сам пригласил, чуешь? – от возбуждения Заяц то и дело подталкивал Чернявина в бок.

– Чё подпрыгиваешь? – Чернявин, как всегда, не находил себе места, поминутно поправлял галстук, перекладывал крокодиловую папку из одной руки в другую, совал под мышку, снова хватался за голстук.

Да, после первой встречи исчез комок, мешавший дышать, но живот-то крутило. Когда он направлялся к Александрову во второй раз, чувствовал себя, как с бодуна – опухший, отечный. А это страх в кишках спрятался. У него был конкретный запор.

Заяц же в тот день пребывал в приподнятом состоянии духа. Настроение не портило даже мысль о том, что теперь постоянно придется видеть этого вечно ноющего засранца Чернявина. Заяц снова дал Чернявину легкого тычка в бок.

– Тебе деньги пришли?

– Пришли, а что толку...

Чернявин был зол на Зайца. До аукциона считанные дни, а вдруг что-то непредвиденное? Вдруг Заяц, мутная душа, в день аукциона поставит его перед фактом, что надо бабла добавить. Еще больше нервничал от того, что до конца не верил – вот, через час, через полтора он выйдет из этого банка партнером самого Александрова! Тогда ему будет ничего не страшно. При такой перспективе не жалко и за Самбальский пару-тройку лимонов переплатить, разве ж он их потом не вытащит? Нет, как это не жалко! Жалко у пчелки... С какой стати Зайцу на нем наживаться?

– Дим, имей в виду, если будут по Самбальскому накрутки, то пополам, – произнес он, когда они уже вошли в приемную и охранник скрылся.

– Юрик, чё ты мелочишься? Тебя от смерти спасли, ты госдолгу за гроши берешь, плюс все зафондировал кредитом. Можно подумать, ты из своего кармана платишь... Чё ты нервничаешь? Слушай, а как семья? Все забываю спросить.

– Нормально семья, – буркнул Чернявин, сообразив, что им предлагают чай. Для чего их позвали? Если места в совете директоров делить, то больше одного места он им все равно не отдаст, за двадцать пять процентов-то!

Александров на этот раз не вышел из-за своего стола, чтобы сесть за переговорный.

– Ну что, приврал? – спросил он Зайца. – Госдолгу в Самбальском не купил?

– Разве я сказал, что уже купили? – округлил глаза Заяц. – Я сказал, что договорились железно. Юрий Сергеевич уже депозит внес.

– Не купили и не купите. Там, не в обиду вам будь сказано, другие игроки, покрупнее. Но дело не в этом, хотя и в этом тоже. Мелкий холдинг получается. Возни много, а развитие – черепашьям темпом. Назрела задача консолидации отрасли. Буквально на прошлой неделе на самом верху об этом говорили. Не удержитесь вы на плаву...

– Мы? А вы... – вырвалось у Чернявина.

Его обожгло, ударило в голову. Консолидация, наверху говорили! Значит, Александров их сдает. Значит, все же Склад.

Чернявина душила злоба так, что даже страх отступил. Злоба на этих стервятников, которые родились в сытых семьях, получили все – образование, языки, родительские связи. Они дерьма не жрали, областную мразь не облизывали, все на тарелочке получили, и все им мало.

– Мелкий... Мы, значит, для вас мелкие?

– Юрий Сергеевич, зачем вы в личную плоскость все переводите?! Не сложите вы холдинг. Двадцать пять процентов Самбальского уйдут к инвестору, недружественному вам, а в войну я втягиваться не буду, это я сразу сказал. Так понятно?

– Склад, что ли, покупает?

Чернявину нужно было услышать ответ, хотя он его уже знал. Но слова рвались наружу, опережая мысли. И не дав Александрову ответить, он только что не закричал:

– Так он и мой Листвянский, значит, отберет!

– Константин Алексеевич, – все еще гоношился Заяц, – мы же договорились!

– Крышу хотели из меня сделать? – Александров начал злиться. – Да, думаю, что Склад захочет купить и Листвянский. Тем более не могу идти в проект вашего холдинга. Сразу же сказал: война мне не нужна.

Александров чуть не обмолвился, что, имея таких союзников, и не повоюешь.

– Пригласил вас, чтобы прямо, без обиняков закрыть эту тему. Ты, Дим, ничего не теряешь, согласишься, а можешь и свою четвертушку Самбальского обкэшить. Для вас, Юрий Сергеевич, это, конечно, неприятная новость, но, думаю, вы не исключали такого развития событий. Подумайте, стоит ли вам за свой комбинат драться.

Александров был в тягость и этот разговор, и собеседники, и он сам. Сочувствие к Чернявину прошло. Склад же не задаром у него комбинат хочет отобрать, а лимонов за пятьдесят. Или сорок. Для многих в нынешнее время так в кэш выйти – счастье, и жалеть Чернявина нечего. Но по-бизнесовому, как ни крути, неловко: дал слово, а теперь берет обратно.

– Как я могу драться? Кто я против Склада? – слова продолжали брызгать из Чернявина помимо воли. – Отберет ведь, отберет, сволочь!

– Вы не просили у меня совета, но я все-таки его дам. Продайте. Склад разумный человек и по-своему справедливый. Если без войны, то выйдете из сделки очень и очень небедным человеком. Думаю, вы сможете Складра убедить оставить и вам, и Дмитрию какие-то доли в общем холдинге. Не берите кредит, он вам не нужен...

– На... – Чернявин осекся, прокашлялся, – на фиг мне доля у Склада? К финансовым потокам он меня не подпустит.

– Тем более, что кредит мы уже взяли, – Заяц все еще не понимал, что ситуация проиграна.

– Когда вы успели? – только тут Александров вспомнил, что Коля говорил ему о втором кредите, который ему не нравился, но он не дослушал. – А что в залоге?

– Как договаривались, – метнув на Чернявина взгляд, с готовностью ответил Заяц, – акции Листвянки.

Так... Это именно то, к чему Склад его толкал. Теперь Платон будет руки выкручивать, требовать переуступки кредита с дисконтом. Объявит его срочным к погашению, чтобы забрать заложенные акции, которые лежат в депозитарии Русмежбанка. Забрать не по рынку,

лимонов за пятьдесят, а за тридцать с хвостиком. Без торга, дискуссий и наездов. Александру стало совсем тоскливо, он же не стервятник – на падаль кидаться. Хотя и мелкие, и пакостники, но речь не о них, а о нем самом. Хотя, с другой стороны – наврали. Наверняка Красовскую подмазали, иначе она за две недели и не почесалась бы. За защитой бросились, а жулить начали уже на берегу. Прав Скляр, кругом прав. Не понимают эти люди и договариваться не умеют. Могут только заносить и тырить.

– Юрий Сергеевич, верните кредит – и все при своих.

– Нет уж! – Чернявин как будто очнулся, в его голосе слышалась непонятная Александру решимость и понятная злость. – Я буду бороться! В одиночку, раз вы... Мне эти деньги помогут.

– Подумайте, Юрий Сергеевич. Подумайте спокойно. Война – дело нервное и крайне дорогостоящее. Можно и по-доброму.

– По-доброму? Кинули меня этому Скляру в пасть...

– Мне не нравится этот тон. Наш банк, как минимум, ничем не ухудшил ваше положение. Считаю, что встреча закончена.

И снова Чернявин с Зайцем спускались по ступенькам банка.

– Сучара законченная. Не видать ему кредита, как своих ушей.

– Ты что задумал, Юрочка? Утром еще боялся, что за отпиленный лимон он тебе башку открутит, а сейчас сороковник хочешь замылить? Слушай, пошли пожрем и все обсудим. Ты ж дерганый, под горячую руку...

– Еще раз скажешь, что я дерганый, – в рыло дам! Не пойду я с тобой жрать...

Чернявин сел в машину, хлопнув дверцей перед мордой Зайца. Как он мог повестись на его рассказы? Рылом он не вышел Александру в партнеры! Заяц, понятно, пидор, но кредит он шустро провернул. А это при любом раскладе не помешает. Нет, как не помешает? Может, надо, наоборот, быстрее его вернуть? Ведь с этим кредитом Скляр и возьмет его за яйца. Ясно же, что они в сговоре. Нет, как это – вернуть? Чернявин снова увидел улетающий от него комбинат и понял, что на нем еще летит и сороковник. А вот это уже выкусите! Фиг вам, а не сороковник! Пока Скляр не влез, немедленно вывести на свой запасной оффшор. Но какой же пидор Александров! Он-то, дурак, думал – на таком уровне уже не кидают. Крупный пидор, так пусть и получит по-крупному. А что он получит? Мысли суетливо побежали по новому кругу, толкаясь и спотыкаясь. Если бы у него была жена как жена. А к Лидке разве можно припасть за утешением? Настоящая баба нутром чует, когда крайняк, а эта... Кроме книжек своих да кухни, ее ничего интересует. Господи, о чем он думает? С Лидкой потом разберется. Скляр!.. Страх снова стянул подреберье в комок, не давая думать. Он вытащил из портфеля флакон, жажнул таблетку прозака. Подумал, заглотил еще и таблетку феназепама. На подъезде к даче стало отпускать. Он набрал офис. Привалко снова залопотал было что-то, но тут Чернявину стало совсем худо, обморочно, потливо...

– На этой неделе меня не ждите, сами крутитесь, – он нажал отбой.

Его крутило весь день. Крутил уже не страх, а ярость. К ночи живот разболелся так, что он решил принять слабительное.

Раздражение Александрова от встречи с мелкими сменилось досадой на себя. Сначала пообещал в необъяснимом порыве, потом разозлился, что наврали, потом стало неудобно перед ними... Вот черт, совсем нервы развинтились. С самого начала нечего было связываться с таким народцем. Они же одноклеточные. Он велел найти Скляра.

– Звоню, как обещал. Будут тебе четыреста. Присылай гонцов оформлять. Но деньги получишь после того, как я запарафированный проект соглашения о холдинге увижу. В документах, а не так, как ты на коленке нам в Милане рисовал.

– Костя, аплодирую верному решению. Слушай, давай так: четыреста, как договорились, но пусть это будет не кредит, а кредитная линия с лимитом хотя бы на пятьсот. Обещаю любую сумму свыше четырехсот согласовывать с банком. Если хочешь, с тобой лично.

– Выходит, Листвянку берешь?

– Выходит, беру. Тебя что-то смущает?

Александров не обмолвился, что уже выдал кредит под залог акций Листвянки, но ему стало совсем не по себе. Теперь второй раз выдаст еще сорок Скляру на покупку тех же акций – ну не идиот ли? Самое простое и соблазнительное решение – сдать Чернявина Скляру – он не рассматривал. Это крысятничество, и рано или поздно стало бы известно на рынке. Нет, каждому свое... Пусть Скляр покупает Чернявина, а ему надо взыскивать кредит, который сам же и выдал.

– Костя! Ты что замолк? Все же складывается!

– Похоже, что складывается...

– Значит, работаем! Как будут новости, отзвонюсь.

Уже через три дня Платон подписал предварительный договор покупки Листвянки. Он сам удивился, когда Чернявин проявил инициативу – попросил о встрече, пришел и тут же с порога заявил: «Вы все равно меня удушите на деньги Александрова, я знаю». Интересно, откуда он знает про Александрова? Хотя на свете секретов не бывает.

Все в конце концов всплывает. Про всех. Даже про Александрова. Скляр вспомнил, как тот на секунду оцепенел, когда на Гарде он пробросил про доносы в сортирах... Вспомнил и тут же выкинул из головы. Каждый принимает решения сам, и каждый потом сам платит по своим счетам. Если их предъявляют и платить все же приходится. На человеческие отношения эти мелочи не влияют. Скляр был в этом уверен и тогда, и два года спустя, приняв свое решение: его собственный холдинг должен развиваться, а банк Александрова не должен больше путаться под ногами. Но в тот день, когда к нему в кабинет вошел Чернявин, Скляр о судьбе банка Александрова еще не думал.

Этого мелкого Скляр, конечно, быстренько опустил в цене: тот заикнулся было о шестидесяти, но по глазам было видно, что хочет пятьдесят. Платон сказал «сорок – и по рукам». Дал понять, что за последнюю десятку можно и повоевать. А после войны... одни руины, как известно... Война, конечно, тоже штука недешевая, но с бюджетом в три единички он так прижмет Чернявина, что тому мало не покажется. Сказал и сам испугался: Чернявин стал сизым, и Скляр подумал – не обгадил бы его кабинет, не дай бог. «Не будем, воевать, правильно? – почти ласково спросил он. – Деньги на ветер пускать, коррупционеров кормить... Зачем?»

Все-таки Скляр чуял в этой договоренности подвох. Стояло еще что-то в глазах у Чернявина, кроме страха. Но думать об этом некогда, надо браться за Зайца, пока все удачно складывается. И немедленно после этого дожимать Жмужкина.

Позвонила Вика с вопросом, когда он собирается домой. Платон любил Вику, но не любил вопрос «когда», тем более что домой он не собирался. В графике у него стоял ужин, на который был приглашен собственник крупного английского частного инвестиционного фонда. Платон рассчитывал затащить англичанина в головную компанию своей группы, в «Квантум», в которой лес, даже с холдингом, был лишь частью, причем далеко не главной, а ядро составляли машиностроение и металл. Пустое дело – уговаривать институциональных инвесторов, замордованных процедурами, регуляциями и службами контроля, вложиться в российский бизнес. А вот частный фонд, где решение принимает одно лицо... Расчеты и регламенты человеческий опыт, его оценку рисков, его чутье не заменят.

Англичанин уже месяца три копался в «Квантуме». Опять за ужином станет рассказывать, какой «Квантум» непрозрачный, как не раскрыт потенциал его активов... Предложить ему, что ли – пусть плюнет на свой фонд, который уже все равно наверняка ему обрыдл, и

поработает пару лет у Скляра. Пусть перекраивает, перестраивает все, что его душе угодно. «Могу же я для собственного покоя купить себе менеджера за три-четыре миллиона в год», – повторял он про себя, направляясь наверх, в обеденный зал.

За ужином с видом на реку, на подсвеченные Белый дом и «Украину», англичанин сказал, что инвестировать в группу Скляра он действительно не готов. Слишком всего много, слишком все разнородно. На предложение перейти к Скляру работать – засмеялся, сказав, что может порекомендовать сына: талантлив, восемь лет опыта работы в инвестиционном банке, учит русский. Для сына неплохо было бы вырваться из рутины, поработать в группе, где решение тоже принимает одно лицо. Скляр ответил, что «Квантум» – не тренировочная площадка для молодняка, но отчего же не посмотреть парня. Англичанин никак не выразил своего отношения к тому, что его сын был ненамного моложе самого Скляра. Вместо этого пригласил Платона в свое поместье в Шотландии, сказав, что сейчас самый сезон охоты на оленей. Скляр заявил, что к охоте равнодушен, и завел разговор о прогнозах цен на металл. Домой приехал к полуночи.

Вика сидела с бокалом белого вина, щелкая пультом телевизора.

– Навоевался?

– Вовсе нет, сегодня был, кстати, совершенно мирный день. Видимо, от этого я так и устал.

– Есть ты, конечно, не хочешь. А что хочешь?

– Спать.

– Платон...

– Только не говори, что ты меня совсем не видишь, что я вечно усталый, что тебе чего-то не хватает.

– Тепла мне не хватает... Зима все не кончается.

– Уже весна, малыш!

– Значит, весна хреновая, потому что все равно зима. Не хочу на лыжах. Давай вместо этого на острова? На Карибы хочу, просто и без затей. И яхты там дешевые.

– Смешная ты. Яхты дешевые... Ты же знаешь, что для меня лыжи!

– Мне так хочется тепла.

– Малыш, это метафора? Упрек, что от меня тепла нет?

– Платон! Не усложняй, это всего лишь констатация: я устала от холода и хочу на острова.

– Малыш, я вообще не уверен, что смогу куда-то до конца марта вырваться. Если снег уже не застанем, сразу рванем на острова, окей?

– Ну да, – протянула почти жалобно Вика. – Это уже, считай, в апреле. А там ты скажешь, что скоро майские, а майские – это Сардиния. Так соскучилась по нашей вилле. А ты нет?

– Наверное, да, только не успеваю об этом подумать. Сейчас очень острый момент.

– Это из-за сделки с этим... ну, который на старушку похож, кругленький такой?

– Это ты о Жмужкине? Очень похоже. Маленький, кругленький... Да, из-за него, можно сказать. Мы с ним и с Александровым такой колоссальный проект замутили! Я рад, что уговорил Костю, и дело не только в его деньгах.

– Понимаю, – произнесла Вика. – С Александровым у тебя все должно сложиться. Он мудрый, и, в сущности, добрый. Хотя и жесткий. Не настолько, как ты, конечно, но тоже жесткий.

– Пойдем спать? – рассмеялся Платон и притянул Вику к себе. – Ничего больше не хочу. Только обнять тебя и провалиться в сон.

– И ничего больше?

– Там посмотрим...

Чернявин почувствовал почти облегчение, когда поставил подпись под предварительным договором о продаже Листвянки. К воскресенью же план у него сложился полностью. Пусть летит себе комбинат по воздуху, пусть летит к Скляру, раз такая ему судьба досталась. Пусть летит вместе с Привалко, с его ртутью и воровством химикатов... Из Скляра больше сороковника было не вытянуть, мало, конечно, но не беда. А вот Александров свой кредит увидит нескоро.

Даже от Зайца бывает прок, сам бы Чернявин не уговорил Красовскую взять акции в залог у кипрских компаний, но «забыть» потребовать от них передать акции на хранение в депозитарий Русмежбанка и внести обременение в реестр. Пусть теперь комбинат летит на все четыре стороны, и чем быстрее – тем лучше, но только без кредита. Пока скляровские гонцы не начали копаться в отчетности комбината, кредит уже на Кипре окажется. Там же, где и второй сороковник, который от Скляра придет.

Для России восемьдесят миллионов – сумма маловатая, если опять все с нуля поднимать. В еврозоне – полный коммунизм, туда соваться бессмысленно. В Черногорию разве или в Хорватию? Там много гниющих упаковочных производств, которые можно взять по дешевке, да жить там больно отстойно. Девочкам нужно образование, воспитание, круг общения, а не грязные балканцы. Ни музеев, ни театров, отстой. Ну, с этим разберемся, сейчас надо взять менеджера, который эти восемьдесят миллионов с годик на финансовых рынках покрутит. Процентом так под семь-восемь годовых, не меньше. Есть ведь где-то такие ставки. А за годик-другой он присмотрит что-то за границей, заберет по дешевке, и все дела.

– Лид, завтрак готов? Я вот думаю, а не переехать ли нам, скажем, в Австрию? – вопреки собственному мнению о еврозоне произнес Чернявин.

– В Австрию? С чего вдруг?

– Это для тебя вдруг, а я давно обдумываю.

– Ты мне ни разу не говорил... А как же комбинат?

От этого вопроса Чернявин мгновенно озверел:

– Тебе-то что? Ты, что ль, на комбинате горбатишься? Мой комбинат, сам решу, что с ним делать.

– Юра, я только спросила. Просто не понимаю, как ты из Австрии будешь комбинатом руководить, у тебя же все разворуют.

– А кто сказал, что я из Австрии им рулить собираюсь? Чего ты все за меня додумываешь, ведь ни черта не смыслишь?

– Тогда зачем меня спрашивать? – Лида закончила накрывать на стол и пошла звать девочек завтракать. Чернявин хотел сказать ей вдогонку еще пару ласковых, но не успел, Таня и Маша вышли к столу.

– Чем, дочурки, отца порадуете? Отец как белка в колесе всю неделю, девочек толком не видит. В школе что нового?

Младшая, Таня принялась рассказывать про художественную школу, старшая, Маша, сидела молча, ковыряя сырник. «Семнадцать лет, трудный возраст. Никакого почтения к отцу», – подумал Чернявин. Маша уже с год странным образом замкнулась в себе, и чувствовал в этом Чернявин какую-то скрытую враждебность. Чужая, но никак не мог ущучить.

– Маш, чё молчишь, насупилась?

– А что, пап, сказать?

– Я тебе должен сказать, что мне сказать? Ну, ты даешь, – Чернявин засмеялся и потрепал Машу по щеке. Та съежилась, но не отстранилась.

– Чё ежишься? Ежик. Еще скажи, отец тебя не любит.

Таня с набитым ртом продолжала рассказывать, как ее картины взяли на выставку в коммерческую клинику-спа по соседству, и одна уже продавалась за восемь тысяч рублей.

– Это какая?

– Та, где женщина кудрявая, одна щека розовая, а другая синяя, помнишь?

– Не помню, дочур, если честно. Не нравится мне, что ты все абстракцией этой увлекаешься. У тебя пейзажи хорошо получаются. Натуралистично. А бабами разнощекими нельзя увлекаться... потом еще какая-нибудь глупость в голову полезет. Это все нервную систему расшатывает. Поняла меня?

– Не-а, – Таня стала качаться на стуле. – А я так вижу! И это сейчас в тренде.

– В каком, к черту, тренде? Где ты этих глупостей наслушалась и бездумно повторяешь? Это у вас в школе так говорят?

– Угу. Почему глупостей? Тренд, нормальное слово.

– Нормальное, – буркнул Чернявин, – только бессмысленное.

Он метнул взгляд на жену. Вот до чего ее воспитание доводит. Одна волком смотрит, другая «я так вижу» отвечает. Очень плохо, если она так видит, значит, с нервами не все в порядке. А Лидке бы только его пилить да книжки свои гребаные читать. Проворонит дочерей. Тогда он ее просто придушит.

Скинув вопрос с покупкой Листвянки на оформителей сделки, Скляр за пару дней додушил Зайца и взялся за Жмушкина. Тот сидел в своем офисе в Питере, ныл в телефон, слал Скляру таблицы с непонятными расчетами и считал уже не только знаки после запятых, но и расчеты затрат на юристов, которые работают над договорами, на их поездки в Москву, на те же телефонные разговоры. Требовал приплюсовать все эти расходы к оценке его доли в холдинге. При этом он уже подписал договор, по которому должен был получить кэш – о продаже части акций комбината «Звездный» и второго, в Сибири. Но ныть продолжал, хотя прекрасно знал, что никакой оплаты проданных акций не будет, пока они втроем – он, Скляр и Александров, – не заключат соглашения по холдингу в целом. Скляр терпел и додавливал вопрос.

К концу недели он почувствовал, что утомился. В субботу тем не менее отправился в «Квантум» – бумаги посмотреть в тиши, не отвлекаясь на фиглярство Бори Жмушкина, – но воскресенье твердо решил провести дома. Только он и Вика, и чтобы никаких гостей.

Они лежали в шезлонгах у бассейна и резались в нарды. Платон рассказывал историю «про маленького зайчика», жена смеялась, звонко, переливчато...

– Ох, Платон, по сравнению с тобой все – маленькие зайчики. А ты серый волк.

– Малыш, этот был особенно маленький и особенно вонючий.

– Тогда, может, это не зайчик, а скунс? Ракун, да?

– Рокки-рактун, пам-пам-пам-па-па... Only to find where's his rival. Нет, малыш, на ракуна он не тянет... Хотя, может, и тянет... Обосрался и почти что завонял.

Сказать, что Заяц сразу обосрался на встрече со Скляром, было, конечно, легким преувеличением. Скляр предложил ему за четверть Самбальского восемь миллионов. Хотя вторую четверть с торгов купил за шесть, так что пусть Заяц спасибо скажет. Вместо спасибо Заяц стал извиваться ужом.

– Тогда покупайте вместе с картонным. Вы Самбальский возьмете, Платон Валериянович, и цену на целлюлозу задерете, перекроете мне кислород.

– Дмитрий Андреевич, если бы я хотел купить ваш картонный, я бы сказал: «Хочу купить картонный». Но я не хочу.

– Вообще или пока? Может, мы договоримся, что картонный вы обязуетесь у меня в течение двух лет купить? Как?

– Никак. Не собираюсь брать обязательств купить ваш картонный через два года. Куплю, когда захочу и если захочу.

– У меня заводик есть по производству пленки. Небольшой, да, но если вторую очередь построить, будет, можно сказать, концерт! Если бы картонный продать, я бы уже не восемь, а тридцать восемь в него вложить мог.

– Хороший план. А при чем тут я?

– Ну, помогите, раз вы у меня Самбальский отбираете!

Скляр стало скучно. Что ж за люди такие с их уверенностью, что им все должны помогать!

– Давайте конкретнее. Мы договорились о продаже четверти Самбальского за восемь?

– Платон Валерианович, это грабеж... Комбинат стоит все шестьдесят...

Скляр смотрел на Зайца: он правда, что ли, не хочет понимать, что его двадцать пять процентов акций в Самбальском комбинате не стоят ничего? Не хочет понимать, что Платон, купив госдолгу, на счет раз раздербанит комбинат, который сроду никому не платил дивидендов? Старику-основателю за его пятьдесят процентов заплатит немногим больше, чем восемь миллионов, чтобы не воевать, и раздербанит. Наедет сразу через фискальную полицию, таможенную и Комиссию по ценным бумагам. Все легально! Враждебные поглощения – не криминал. Вся история капитализма на них построена. Он честно предлагает Зайцу вместо наезда аж восемь миллионов, а тот артачится. Не слышит его зайчик! От дури и жадности, от заячьего инстинкта, что можно еще что-то слупить.

– Мои условия, – заявил Заяц, – я продам вам двадцать пять процентов акций Самбальского с большим дисконтом, то есть за восемь, но только если вы подпишите мне оферту на покупку картонного завода на год. Максимум через два.

Это по каким понятиям он ему условия ставит? Ситуация не переговорная.

– Дмитрий Андреевич, позвольте я вам еще раз обрисую ситуацию? Просто и без затей. Я вам готов подарить восемь миллионов. Подарить! Потому что могу, в принципе, взять и просто так. То есть ваши двадцать пять не стоят ничего. Понимаете, это не стоит ни-че-го! Ноль!

– Как это они ничего не стоят, Платон Валерианович?!

– Кто у вас их купит, после того как я купил с торгов четверть?

– А пятьдесят у директора...

– Вы думаете, он решит объединиться с вами, а не со мной? Интересная мысль. Короче: дарю вам восемь миллионов за вашу четверть, но это предложение действительно в течение трех дней. Через три дня я не покупаю вообще. Картонный завод не рассматривается.

– Платон Владимирович! Давайте все же съездим, посмотрим картонный. Вы своими глазами увидите: это же чудо! Нельзя же так... Поставьте себя на мое место.

– Дмитрий Андреевич, зачем мне ставить себя на ваше место? Сроки я обозначил, жду вашего решения.

– Платон, а мне его жалко, – перебила Вика мужа. – Человек... да, не твоего масштаба... но работал, суеился, что-то сколачивал, крутился между налоговой, ментами и бандитами. По-своему воевал на несколько фронтов.

– Вик, с кем он воевал? В этой стране все воюют, чтобы выжить. Он работал, бабки заколачивал.

– Ну, работал. Тут приходишь ты, большой, можно сказать огромный. Прешь, как каток. Он от отчаяния хочет хоть что-то еще выторговать. По-человечески это же понятно.

– Викуль, он счастлив быть должен, что я хоть за сколько его бумажки покупаю. Но он не способен смотреть вперед. Не я, так другие сметут этот доморощенный бизнес. Что у нас в леспроме творится, думаю, даже тебе примерно понятно.

– Что значит, «даже мне»?

– Не обижайся, это так, к слову, – Платон потянулся с шезлонга и чмокнул жену в висок. – Куча неиспользуемого добра, доисторические производства. Я не общественный деятель, но активы должны работать, я так хочу. Если на других они не работают, пусть работают на меня. Зайцы, кролики не ставят таких задач. Я им даю кэш, а тем, которые еще

мозги не пропили, могу и работу дать. Слушай, что мы воскресенье тратим на лекцию по политэкономии?

– Нет, уж договори, пожалуйста.

Скляр подлил в бокалы шампанского из ведерка, стоявшего рядом, и чокнулся с Викой.

– Мы же активы консолидируем, чтобы оперировать совершенно иными масштабами. Наш холдинг – с Александровым и Жмужкиным – становится лидером отрасли, вытягивает ее на уровень мировой конкуренции. Вместе с другими, такими же крупными – их немного, но они есть. Мы развиваемся, а значит, приумножаем ВВП. Мы казну, в конце концов пополняем, потому что крупные работают в белую. А под ногами путается зайчик! Предел его мечтаний – получать на свой картонный тридцать мешков целлюлозы по сходной цене. Это его масштаб.

– А целлюлозу разве в мешках продают?

– Это фигура речи... Пошли поплаваем.

Глава 9. И не мелкие

Москва встретила Бориса Жмужкина непогодой, косым дождем и совсем немосковским, питерским, ветром, так что с первой минуты он пожалел, что приехал. Кой черт прилетел своим самолетом, теперь вот в пробке на развязке Боровского шоссе застрял, никакой экономии времени. Хотя рейсовым было бы еще хуже. Ближе к центру его «шестисотый» прочно встал на подъезде к Октябрьской площади. Впереди эвакуаторы растаскивали аварию, весь Ленинский полз одним рядом, то и дело светофор включался красным, а по зебре все бежали и бежали пешеходы под зонтами, как будто так и надо, как будто все в порядке вещей – и дождь, и эвакуаторы, и что он никуда доехать не может. Ничего хорошего в этой Москве ждать не приходится.

Охрана Жмужкина встречала Скляра в просторном, но замызганном вестибюле. Платон поднялся по роскошной, пологой, но давно не знавшей ремонта лестнице на второй этаж. В широкой прихожей бывшей квартиры стояла нелепая офисная стойка из стекла и металла, напротив – большой, выдавший виды диван, на котором два охранника, развалившись, пились в телевизор.

Войдя в огромный кабинет, Платон даже не сразу заметил хозяина. Жмужкин сидел за столом в меховой кацавейке без рукавов, надетой поверх костюма с галстуком, и что-то писал, пригнувшись к столу.

– Платоша! Приехал! – Жмужкин встал, подошел к печи с голландскими изразцами, припал к ней пухлой щекой, съжившись и глядя на Платона одним глазом. В этот момент он выглядел почти старичком, хотя ему только стукнул полтинник.

«Сохранил, – подумал Скляр, обводя взглядом кабинет с потрескавшейся лепниной. – Взял дореволюционное здание, а до ума довести пожлобился».

– Холодно у вас в Москве, мерзну – сил нет. Только печка спасает. Настоящая!

– Боря, я рад, что ты приехал, надо добить все вопросы. Все, что я обещал, сделано.

– Что сделано? – Жмужкин прищурил утонувший в щеке глаз на сплюсненном с одного боку лице.

– Может, сядем? Не стоя же разговаривать...

– Садись, бога ради, кто мешает? А я тут, у печки... Чаю хочешь?

– Хочу! Я не могу разговаривать, когда ты к печи прилип и глаза зажмурил!

– Какие мы капризные! Я у вас в Москве, похоже, уже бронхит схватил, пока добрался. Что за город?! Теперь буду лечиться до лета, – Жмужкин, не отпуская печь, отлепил от нее щеку. – Так что ты приехал?

– Ударить по рукам по основным условиям холдинга, Боря.

– Какого холдинга, еще ничего не сделано.

– Не капризничай. Я купил госдолгу Самбальского, а на вторую четверть Самбальского и на Листвянку подписал предварительные договора покупки.

– Предварительные... – с горестной гримасой вздохнул Жмужкин. – Я же говорю, все по-прежнему вилами по воде. Зачем ты меня вытащил в этот холод?

– Боря, я ничего окончательного не подпишу, пока не подписаны все – повторяю, все – документы по холдингу. А реально сделано действительно все, включая главное: Александров входит в холдинг на наших условиях и открывает кредит на весь проект. Двадцать пять процентов акций на пять лет его устраивает. Все сделано, Боря!

– Допустим...

– Давай теперь между собой окончательно разберемся. Я плачу тебе двести, как договорились. Хотел за них по двадцать пять в каждом из комбинатов, но ты поставил в договорах двадцать. Черт с тобой. Остальные восемьдесят ты вносишь в холдинг, и уже второй

месяц ноешь на тему, как их оценить. По этому поводу можно препираться до бесконечности, слать мне таблицы и занимать себя иной бессмысленной работой. Александров получает двадцать пять от холдинга, это устраивает и его, и тебя, и меня. Все понимают, что у него должен быть блокирующий пакет.

– Опять двадцать пять! – воскликнул Жмужкин. – Сколько можно повторять одно и то же!

– Боря, я внес своих активов на триста и купил у тебя на двести, итого пятьсот. Плюс Листвянка, половина Самбальского. Плюс договорился, что старик-основатель за десятку внесет свою половину Самбальского в холдинг. Итого у меня шестьсот двадцать, у тебя шестьсот. Ты может считать, что у тебя все еще семьсот. Предлагаю считать, что мы, как минимум, уравнились.

– Еще скажи, что у тебя больше, – продолжая обнимать печь, ехидно произнес Жмужкин.

– Боря, мы с Нового года одно и то же пересчитываем. Хочешь все по десятому кругу запустить? О чем мы спорим? Не уравнились? Хорошо, я не жлоб. У тебя сорок три, у меня – тридцать два, и на этом ставим точку. Даже пополам, по тридцать семь с половиной делить не требую, заметь.

– На сорок пять я согласен.

– Боря! Сорока пяти тут близко не было. Это ты в самолете, пока летел, решил себе еще чуток отхоячить?

Жмужкин почти вприпрыжку добежал от печки до стола, сел, схватил ручку и припал к бумагам, так что стало не видно глаз.

– Мы же Александрову долю отдаем, так? За сколько?

– За четыреста, Боря! Сколько раз можно спрашивать. Я договорился, что он даст еще сотку. Доли в сорок три и тридцать два я тебе предлагаю при условии, что эта последняя сотка – долг холдинга. Не мой долг, а холдинга. Он заемщик!!! – Платон уже чуть ли не кричал. От раздражения, что Боря делает вид, что не понимает. – Последнюю сотку Александрова вешаем долгом не на меня, а на холдинг!

– Так он за четыреста получает, – Жмужкин перестал водить карандашом по бумаге, вытащил калькулятор, – активов на шестьсот. А вы с ним сто лимонов на холдинг зафигачить хотите, чтобы я уже никогда не увидел дивидендов?

Платон сел напротив Жмужкина, тот тыкал пальцами в калькулятор, выписывал какие-то цифры на бумаге, зачеркивал, начинал все сначала. Платон молчал.

– Александрову-то почему двадцать пять? – приговаривал Жмужкин. – Понимаю еще за пятьсот, но за четыреста... Грабеж. И мы еще ему сотню будем должны.

– Боря, мы позвали его на блокирующий пакет. Он – «белый рыцарь», это твоё выражение! Ты хочешь с кэшем в шоколаде получать дивиденды, а мне одному кредит тянуть? И за твой кэш, и за Листвянку с Самбальским?

– Так-то оно так... Дай до понедельника подумать...

– Боря, нечего кривляться. Ты в Москву две недели собирался. Для чего? Чтобы улететь думать? Не устраивает – скажи прямо.

– Так-то оно так, – Жмужкин встал и снова припал к печи. Помолчал, прижался к ней другим боком, теперь Платон не видел его лица. Жмужкин гладил вторую, согретую щеку, глядя в окно. – Все так... Как же холодно... все так, Платон... В целом... устраивает. Но хочется еще до понедельника прикинуть.

Платон расхохотался. Он смеялся громко и заразительно, а Жмужкин укоризненно смотрел на него одним глазом.

– Боря, я тебя люблю, – Скляр улыбался Жмужкину своей самой лучезарной улыбкой. – Прямо по Гоголю! «Надо бы в город съездить, прицениться, почем нынче мертвые души»...

У нас на берегу активов на ярд восемьсот, если честно считать стоимость моих активов, Листвянки и Самбальского. Но ты же только свои считать любишь честно. Точнее – по-своему. После объединения капитализация холдинга станет два ярда, как минимум. Твои шестьсот...

– У меня семьсот!..

– ...Мы за два года из холдинга конфетку сделаем, через пару лет, не больше, получим западного инвестора. Захочешь, долю Александрова ему продадим, Александров только рад будет. Не захочешь, через четыре года выведем на размещение.

– Только не надо про размещение! – воскликнул Жмужкин тонким, почти бабьим голосом. – Не могу я слышать эти слова – «листинг», «размещение», «айпио»! У вас тут эпидемия в Москве! Сколотят пять амбаров и тут же на листинг мылятся в Лондон. Жульничество одно.

– Честное слово, ты на Коробочку похож в этой меховой шняге. Не заговаривай мне зубы и отойди наконец от печки! Что ты к ней прилип! Уже весна на улице, не слыхал? Смотри вперед, Боря! У нас такие перспективы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.